

Константин Толин

Ш О Р О Х

Сборник рассказов:
мистика, приключения, ужасы

Константин Толин

Шорох

«Accent Graphics communications»

2014

Толин К.

Шорох / К. Толин — «Accent Graphics communications», 2014

Шорох – это поступь Ужаса, крадущегося сзади. Не оборачивайся, ... беги!!!

© Толин К., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Сведения об авторе	5
Божья птаха	6
Голуби и белки	16
Случай в урочище Погибловская	19
Мечты сбываются	26
Хозяйка Маркуса	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Константин Толин

Шорох

Сведения об авторе

Константин Толин (литературный псевдоним), 1970 года рождения. Два высших образования. Большая часть жизни была связана со сферой социальной помощи населению, где прошел путь от рядового работника до руководителя отрасли. Первый литературный опыт пришел сравнительно поздно – в 40 лет, однако, сразу же оказался успешным, позволив Константину Толину стать финалистом и лауреатом нескольких крупных всероссийских литературных конкурсов 2011–2012 годов. Имеет публикации не только в России, но и за рубежом. В творчестве отдает предпочтение мистической и современной прозе, фантастике.

Божья птаха

*Ад полон добрыми намерениями и желаниями
Джордж Герберт*

* * *

Село, спрятавшееся среди невысоких холмов, окаймляющих прибрежную равнину, мало чем отличалось от других таких же. Уступами, словно прилепленные друг к другу, на поросших маквисами и буком склонах, теснились построенные из подручного белого известняка и покрытые светло-коричневой черепицей одноэтажные домишки.

Сельчане, подавляющее число которых, за исключением чудом выживших здесь после последней балканской войны и этнических чисток нескольких сербских семей, представляли албанцы, уже не помнили, как в их селе появился, а позднее и поселился на его окраине, примыкавшей к берегу вечно изумрудного Адриатического моря, этот человек.

Его фамилия – Ньюман, могла быть равно как немецкой, так и английской. К тому же, один сельчанин – серб, случайно подслушавший, как однажды новый сосед на повышенных тонах разговаривая с каким-то толстым незнакомцем европейской внешности, употреблял слова, явно имевшие славянские корни, предположил, что он может быть поляком, украинцем или даже русским! Устав ломать голову над его национальной принадлежностью, а также происхождением безупречного английского, на котором он объяснялся с капитаном как-то причалившей к пирсу дорогой морской яхты, народ постепенно махнул на чужака рукой, смирившись, в конце концов, с его существованием.

О том, что он доктор, сельчанам рассказал бедняга Генти, до войны бывший вполне удачливым рыбаком и главой большой, многодетной и шумной семьи. Сорвавшейся с пилонов натовского бомбардировщика ракете было всё равно до его отеческих чувств, и она, не долетев пары километров до сербского авангарда, угодила прямо в дом Генти, мгновенно отобрав у него вместе с семьёй и смысл всей его мужицкой жизни. Вот тут-то в селе и появился Ньюман, уведший за собой прямо с руин родового дома практически невменяемого от горя рыбака.

Постепенно доктор отремонтировал полуразрушенный пустующий дом, купленный им за бесценок, пристроил к нему ещё несколько чуть меньших размером строений и надстроил над старым каменным забором новый, спрятав от любопытных глаз за трёхметровой высоты глухим ограждением своё жилище.

Мирная послевоенная жизнь потихоньку входила в своё русло, и к доктору привыкли, отмечая лишь регулярно появляющиеся в селе дорогие машины или причаливавшие со стороны моря к дому затворника катера.

* * *

Сделав скальпелем последний разрез и аккуратно извлеки из распростёртого на операционном столе человеческого тела печень, доктор Ньюман осторожно, не доверяя даже надёжному Генти, сам лично уложил её в криоконтейнер. Внимательно осмотрев содержимое переносного хранилища, и оставшись довольным увиденным, он, неспеша, закрыл крышку и только после этого позволил себе сначала снять хирургическую маску, а затем и перчатки, швырнув их в мусорную корзину. «Все, хватит на сегодня», – подумал черный трансплантолог, но, что-то вспомнив, взял маленький, увесистый, чтобы при ударе не отскакивал, остеотом – острейшее

хирургическое долото, и аккуратно приставив к темечку трупа, несколько раз сильно ударил по нему специальным молотком. «Тук, тук, тук», – отозвалась звонкая сталь. Не сумев пробить кость, доктор раздосадовано отбросил инструменты и вышел из операционной.

– Генти, это уберёшь, а потом... как обычно, – на диалекте, представлявшем собой странную смесь североалбанского, итальянского и греческого языков, доктор обратился к стоявшему поодаль от операционного стола небритому, мрачного вида мужчине, молча кивнувшему в ответ и тут же направившемуся в угол комнаты, где среди разного медицинского инструментария ожидала своего часа хирургическая пила.

Стараясь не смотреть в лицо трупу, еще недавно бывшим четырнадцатилетней девочкой, легкомысленно отправившейся в поисках приключений в один из ночных клубов Белграда, мужчина, как заправский мясник, сначала отделил от тела голову с пустыми глазницами. Окровавленные, лишённые роговиц глазные яблоки ненужными ошмётками лежали здесь же в сгустках крови и лимфы – самое ценное из них уже было заботливо упаковано для транспортировки.

Генти, так и не свыкшийся за три года со своим ремеслом и старательно заливавший алкоголем жуткие видения, посещавшие его теперь не только бессонными ночами, но и днём, знал, что дальше будет легче и, привычно отделив пилой конечности, разделал на равные части само тело. Вытерев о фартук руки, развернул заранее приготовленный непрозрачный пластиковый пакет для мусора и сложил туда часть того, что ещё несколько часов назад было человеком. Потом так же методично, как и первый, он наполнил второй мешок, а за ним и третий. «Ближайшие три дня в море точно не выйти – шторм. Жаль...», – невесело вздохнул бывший рыбак и поплёлся вниз, где в цоколе дома была устроена кочегарка, время от времени служившая крематорием для человеческих останков.

Чтобы чёрным густым дымом не привлекать ненужного внимания, он разжигал печь по ночам, а иногда выходил в море и использовал их в качестве приманки для ловли небольших местных акул – катранов, чьё мясо, умело пожаренное на сетке прямо на открытом огне, делалось чрезвычайно вкусным, а запах подгорающего на углях жира, стекающего с сочных кусков, верно заманивал нередких в этих местах туристов на главную торговую площадь села, где можно было попробовать нежнейшего козьего сыра, местной ракии и прикупить на память сувениров: декоративных тарелочек, кинжалов, поделок из мрамора и всевозможных брелков.

Пока его помощник прибирался, доктор Ньюман успел переодеться в легкий костюм и, прихватив криоконтейнер, вышел из дома. Во дворе, рядом с крыльцом его ждала машина, на которой он собирался отправиться на встречу с одним из своих многочисленных клиентов. Обычно Ньюман, дабы не рисковать самому, предлагал клиентам забирать товар самостоятельно – это было одним из главных, помимо цены, его условий, но для этого покупателя, влиятельного в определённых кругах человека, он не мог не сделать исключения. Не мог, потому что в противном случае сам рисковал бы разделить участь тех несчастных, что прошли через его безжалостные руки.

Поставив на заднее сиденье транспортировочный бокс, в котором бережно, стерильно упакованными, в специальных отсеках лежали почки, сердце, печень, поджелудочная железа и глазные роговицы только что препарированной им девушки, доктор, убедившись, что контейнер занимает устойчивое положение, удовлетворенно погладил его крышку и захлопнул дверь: «Главное сейчас не торопиться, ехать недалеко, успею», – и аккуратно вывел машину на улицу. Дальнейшая судьба этой партии товара стоимостью более полумиллиона долларов его не беспокоила, так как он точно знал, что только легальная очередь, стоящих на трансплантацию, составляет десятки тысяч человек по всему миру.

Повороты горного серпантина сменялись один за другим. Некоторые из них были довольно опасны, так как, не имея бокового ограждения, ничем не защищали водителей от риска сорваться вниз. Маршрут этой узкой горной дороги был хорошо знаком Ньюману,

поэтому в светлое время суток и сухую погоду для осторожного водителя, каким, несомненно, являлся доктор, он не представлял никакой угрозы.

Светлая полоса асфальта внезапно сменилась на темную, что свидетельствовало о недавно прошедшем здесь дожде. «Странно, вроде бы никакой грозы не обещали», – успел подумать он и, нажав на педаль тормоза, не почувствовал привычной тугой упругости. Резкий тревожный звук бортового компьютера, предупреждающий о неисправности тормозной системы, усилил нарастающую панику и парализовал волю водителя, теряющего драгоценные секунды. Рывок рычага ручного тормоза запоздал лишь на какие-то мгновения, заблокировав задние колеса уже проваливающегося в бездну автомобиля. Оглушительный жесткий удар капотом о скальные породы водитель разбившейся машины уже не почувствовал. В первую же секунду после столкновения с землей его тело, не пристёгнутое ремнем безопасности, словно невесомую тряпичную куклу бросило на рулевое колесо. Осколки ребер острыми иглами пронзили легкие и сердце. Затем, уже почти бездыханное швырнуло назад, с хрустом разрывая шейные позвонки.

Сознание доктора на миг озарилось ослепительной вспышкой, сменившейся холодом и темнотой, из которой начали медленно проступать контуры какой-то комнаты с большими окнами. В каждом из них была одна и та же картина: парящая в ночной темноте фигура молодой женщины, закутанной с головой в плотную чёрную ткань. Открытыми оставались только холодные, безжалостные глаза и руки, сжимавшие автомат. Ньюман кинулся к стоящему рядом письменному столу и, выдвинув ящик, трясущимися от ужаса и страха – не успеть – руками схватил револьвер и начал стрелять по женским силуэтам. К своему удивлению, разрядив обойму, он не услышал звука выстрелов и не увидел сколь-нибудь нанесённого вреда противнику, который всё ближе приближался к окнам. В панике доктор выскочил из комнаты и по деревянной скрипучей лестнице взбежал наверх, где, словно одежда на вешалках, висели автоматы. Схватив один из них, он остановился, решая, где можно вырваться из ловушки, но в этот самый миг со всех сторон: из окон, дверей, из коридора начали появляться безмолвные черные фигуры, направляющие в него автоматные стволы. Ледяной холод парализовал его волю. Он видел перед собой только безразличное к нему женское лицо, безжалостные чёрные глаза которого смотрели на него со сверлящим укором. В тот же миг доктор содрогнулся от ощущения словно тысяч впившихся в него одновременно острых лезвий и понял, что в него начали стрелять. Ньюман стал медленно проваливаться сквозь деревянный коричневый пол в какую-то темноту, откуда веяло смертельным холодом и ужасом безысходности, но, внезапно, сила, влекущая его, ослабила хватку, и он снова оказался в знакомом помещении, но уже свободном от черных женских фигур. Оглядевшись, доктор осторожно спустился на первый этаж и, увидев льющийся из окон дневной свет, потянул на себя входную дверь.

* * *

Проводив доктора на встречу с очередным клиентом, Генти, закрыв ворота и собрав свой нехитрый скарб, поплелся на сельский рынок, где хорошо приготовленному им шашлыку из акульего мяса всегда были рады не только туристы, но и местные. На рынок бывшего рыбака вела отнюдь не жажда наживы – хозяин хорошо платил своему подручному, просто ему хотелось затеряться среди людей, неважно каких: уставших от ежедневной борьбы за выживание угрюмых односельчан или празднующихся, сытых и лощеных туристов, лишь бы не оставаться одному в этом доме, страшном подвале, наедине с собой и своими мыслями.

Разведя в мангале огонь, Генти, приветливо здороваясь с прохожими, открыл крышку бидона и вдохнул аромат маринада – теперь оставалось дожидаться, когда прогорят дрова, и можно будет выкладывать на сетку нежные куски акульего мяса.

В эти минуты он забывал о своей ненависти: к этому миру, отнявшему у него самое ценное – семью, к доктору Ньюману, давшему ему эту чудовищную работу и научившему быть безжалостным, к самому себе, боявшемуся признаться, что из доброго весёлого рыбака он превращается в угрюмого жестокого зверя. Но больше всего он ненавидел себя за свою трусость. Генти уже сотни раз давал себе обещание выдать ненавистного черного трансплантолога полиции и освободить свою душу от ежедневных кошмаров, но каждый раз его что-то останавливало, в последний миг лишая решительности и парализуя волю. От этого Генти страдал еще сильнее и, не видя в себе мужества разорвать круг безысходности, впадал в депрессию и многодневное алкогольное забытие. Возвращаясь к реальности и обнаруживая, что еще жив, он, проклиная всё на свете, снова спускался в подвал, где брал в руки хирургическую пилу и непрозрачные пакеты для мусора, и в который раз давал себе обещание рассказать всё капралу Бориславу.

– Генти, здорово будешь! – услышал он чье-то приветствие. Увлечшись приготовлением шашлыка и погрузившись в свои невесёлые думы, бывший рыбак не заметил, как к нему подошёл тот самый полицейский, о котором он только что подумал.

– Здравствуй, Борислав! Как служба? Шашлыка? – стараясь быть приветливым, бодро предложил он.

– Да, одну порцию. На всём побережье не сыскать такого вкусного барбекю, как у тебя, Генти!

– Спасибо, господин капрал.

– Генти, что-то ты какой-то вялый. Случилось что? – полицейский внимательно взглянул в его лицо, стараясь понять, что могло обеспокоить этого грубого сельского мужика.

– Да нет, Борислав, всё нормально... – пряча глаза, ответил тот.

– Точно? А где доктор Ньюман? Или уехал куда по делам? – детектив упорно продолжал пытаться вопросами едва сдерживающегося от признания односельчанина.

«Надо ему всё рассказать! Не трусь! Он тебе поможет!», – набрался было решимости Генти.

«Меня посадят до конца моих дней, и я сгнию в тюрьме! Я что, враг себе? Лучше потрачу свои деньги на девочек и вино! Моя работа такая же, как и любая другая, со своими «плюсами» и «минусами»! Чем лучше ремесло солдата, который убивает людей, которых даже не знает?», – резонно, как ему показалось, возразил он сам себе.

«Покайся за грехи свои! Отбудешь свой срок и выйдешь на свободу честным человеком! Твои ночные кошмары прекратятся, ты перестанешь уничтожать себя алкоголем! Ты положишь конец преступлениям этого мерзавца Ньюмана! Ты сохранишь свой рассудок и доброе имя. Капрал сумеет тебя защитить, откройся ему сейчас же! Ну, решишь, наконец!», – звучал в его голове голос ангела – хранителя, который ласково гладил Генти по плечам своими белыми крыльями, стараясь успокоить и придать ему мужества.

«Даже если не подохнешь в тюрьме, то кому ты будешь нужен – больной, разбитый дохляка, когда выйдешь на волю? Да тебя дружки Ньюмана пришьют раньше, чем ты успеешь рот открыть и начать давать против него показания! Ты же знаешь, сколько у него деньжищ – откупится! Да ещё и всю вину на тебя свалит! Да и потом, сдать ты его всегда успеешь. Поднакопи улики против него, выжди удобного момента – тогда и действуй! Давай, Генти, не раскисай. Зачем пилить сук, на котором сидишь?», – отвечал ему другой голос, принадлежащий выглядывающему из-за его левого плеча демон-искусителю, который, набрав в легкие побольше воздуха, выпустил струи чёрного дыма, тотчас же окутавшие бывшего рыбака с головы до ног.

Генти почувствовал, как его сердце сжали тиски страха, как на душе стало тревожно, и, тоскливо озираясь вокруг, в тщетной надежде зацепиться взглядом за что-то спасительное, он наконец-то хриплым голосом выдавил из себя:

– Ньюман уехал по делам, скоро вернётся. Господин капрал, вам с соусом или зеленью?

В этот момент с безупречно чистого ярко-синего небосклона раздался глухой раскат грома, от которого оба – и Генти и Борислав – вздрогнули и задрали головы вверх.

– Странно... Ни облачка на небе. Что за гром? – удивился полицейский.

– Может, где-то гроза идёт? – вторил ему не на шутку испугавшийся бывший рыбак.

– Может, и гроза... а, может, грешника какого-то Господь покарал... Генти, не боишься? Мне кажется, что ты что-то скрываешь. Если ты участвуешь в чём-то плохом, то твой долг христианина – прекратить богопротивное дело, – глядя ему прямо в глаза, отчётливо проговаривал каждое слово капрал, который, почему-то, уже был одет в длинную черную сутану со стоячим воротником и держал в правой руке Евангелие. – Если ты собираешься совершить богоугодный поступок, то делай это, не раздумывая и не откладывая на потом – иначе может быть поздно, можешь не успеть! Намерения, даже самые благие, но не ставшие поступками, приведут тебя в ад, ибо на Страшном Суде судить тебя будут по делам твоим!

Бедняга вытаращил глаза, не понимая, откуда здесь взялся священник, но потом, тряхнув головой и с трудом отогнав видение, суеверно перекрестился и нашел в себе силы ответить полицейскому:

– Я не понимаю, о чём вы говорите, господин полицейский...

– Эх, Генти, Генти! Плохо ты кончишь! – сокрушенно прекратил свои расспросы капрал и, рассчитавшись за покупку, пошёл по своим делам.

* * *

Придя домой, Генти с удивлением обнаружил, что хозяин ещё не вернулся и решил, что тот по каким-то причинам задержался в городе и объявится не раньше завтра.

– Ну что, тем хуже для тебя – у меня будет время подготовиться! Сам бог отдаёт тебя в мои руки! Завтра я прикончу тебя, ублюдок! – не боясь быть услышанным посторонними, Генти вслух разговаривал сам с собой, направляясь к небольшому сараю с задней стороны дома. Там, под ветошью, в земле был закопан цинк из-под патронов, с замотанным в полиэтилен пистолетом. Во время войны оружие, от самого современного до образцов ещё с первой мировой, практически свободно гуляло по рукам мирных селян, и обзавестись почти задаром полицейским «вальтером» не составило для Генти особого труда. Раскопав землю, он достал цинк и вытряхнул его содержимое. Потом, стряхнув землю, сунул свёрток в карман и вышел из сарая, направляясь к дому.

Войдя внутрь, он остановился, размышляя: сразу спуститься в кочегарку или сначала выпить стаканчик ракии. Голова болела, язык распух, руки плохо слушались – сказывалось похмелье после вчерашнего обильного возлияния. Он представил, как всего спустя несколько минут, выпив янтарной терпкой жидкости почувствует облегчение: голова прояснится, мысли обретут стройность, окружающий мир из темно-серо-коричневого превратится в яркий и красочный. Генти уже было взялся за ручку двери, ведущую в гостиную, и даже приоткрыл дверь, как снова остановился. Причиной его задержки стал возникший образ капрала Борислава, который теперь опять предстал в виде святого отца, немым укором взирающего за его внутренней борьбой.

– Да иду, я иду... Уйди! – разговаривая с наваждением и одновременно стараясь отогнать его, Генти всё же отложил выпивку и, кряхтя, стал спускаться в кочегарку.

Оказавшись в глухом без окон, и оттого звуконепроницаемом помещении с земляным полом, он достал из кармана штанов свёрток, развернул его и взял пистолет. Генти не умел обращаться с оружием, только видел, как это делали другие, поэтому, неловко передернув затвором и оценивая вес «вальтера», постарался прицелиться в невидимую точку. Потренировавшись, бывший рыбак извлёк из свёртка коробку патронов и медленно, неловко перебирая грубыми пальцами, зарядил обойму. Потом, наведя ствол пистолета в смятую пачку из

под сигарет, валявшуюся в углу кочегарки, медленно нажал на курок. «Вальтер» дернулся в его руке, но не так сильно, как он ожидал, и, вообще, всё оказалось не так страшно как ему представлялось. Поэтому следующие несколько выстрелов он сделал совершенно спокойно, осмысленно стараясь поразить цель. С третьего раза ему это удалось, потом ещё и ещё. Расстреляв две обоймы, довольный собой бывший рыбак в конце своего упражнения насчитал четыре большие дыры в пачке теперь уже больше похожей на кусок рваного картона.

– Ну что же, теперь я готов! Держись, кровопийца! – погрозил Генти кулаком невидимому Ньюману, в деталях представляя, как завтра убьет своего хозяина и наконец разорвет пути страха, накрепко привязавшего его к кровавому доктору.

Однако, поднявшись из подвала наверх, почувствовал, как решимость снова покидает его, но на этот раз не из-за страха перед всесильным и безжалостным хозяином или неверия в правосудие, а по причине, имевшей совсем иную природу. Дело в том, что Генти и ранее с должным трепетом относившийся к Церкви, после несчастья, происшедшего с его семьей, совсем превратился в ревностного христианина. С одной стороны, вера не позволяла ему окончательно сойти с ума, с другой – он всё сильнее чувствовал отвращение к себе и тому образу жизни, который вёл. Сейчас же, вдыхая ароматный, поднимающийся от прогретой за день земли воздух, он осознал, что убить даже такое чудовище, каким, по его мнению, был доктор Ньюман, он не сможет, и нужно искать другой выход.

Вернувшись в дом и войдя в свою комнату, бывший рыбак направился в угол помещения, где, потоптавшись на месте, ловко извлёк из пола скрипучую половицу и, пошарив рукой, достал из темноты подполья деревянную коробку. Это был своеобразный сейф, где Генти хранил свои сбережения, документы и самое ценное – старое, доставшееся ему от покойного батюшки растрескавшееся распятие. Прятать его подальше от глаз людских несчастного рыбака вынудили колкие насмешки доктора, который не раз и не два заставлял своего подручного склонившимся над распятием и открыто надсмехался над религиозными чувствами бедняги:

– Где он был, твой бог, когда ракета попала в ваш дом?! А, Генти?! Ну что ему стоило направить её на несколько метров чуть левее или правее?! Он же всемогущ! Что молчишь, а?! Тебе нечего сказать? На вот лучше, в этого бога я верю и тебе советую, – и швырял рыбаку несколько столондаровых купюр.

Отгнав неприятные воспоминания, Генти помолился и, устроившись за столом, принялся писать заявление в полицию. Эта работа заняла у него больше часа и отняла массу сил: ему даже приходилось молитвой подкреплять свою решимость довести начатое до конца. Наконец, сложенные вчетверо несколько листов бумаги, исписанных неровными строчками и со следами исправлений, оказались у него в кармане штормовки. Оставалось последнее – отправить письмо по нужному адресу, и он был преисполнен решимости сделать это во чтобы то ни стало.

* * *

Не дождаввшись хозяина ни в этот вечер, ни на утро, Генти, не находя отсутствию обычно пунктуального Ньюмана каких-либо разумных объяснений, тем не менее решил не тратить времени в пустом ожидании, а вышел на своей лодке в море наловить свежих катранов.

На море стоял полный штиль, что вполне устраивало рыбака. Нанизав куски человечины, оставшейся от последнего донора, на многометровую с крупными крючьями снасть, он опустил её в воду и, закрепив руль, стал терпеливо ждать клёва.

Неожиданно метрах в ста от лодки прозрачная изумрудная гладь воды потемнела и покрылась рябью. Вмиг на доселе спокойной воде образовалась многометровая волна, которая со страшной силой обрушилась на утлую рыбацкую лодку, в мгновение ока разлетевшуюся под

её ударом в щепки. Рыбака закружило в водовороте, швыряя из стороны в сторону, оглушая и увлекая в бездонную морскую пучину.

Не в силах сдерживать дыхание Генти сделал вдох, и солёная вода, пронзив грудь острой болью, мгновенно наполнила его лёгкие, вытесняя из них воздух хороводом пузырьков, устремившихся вверх. Медленно опускающееся на дно в толще воды тело сразу привлекло внимание стаи маленьких разноцветных рыбок, весело кинувшихся обследовать невесть откуда взявшегося чужака.

Сделав вдох, Генти открыл глаза и, не понимая, почему он опускается все ниже и не делает попыток всплыть, яростно заработал руками и ногами, устремляясь к поверхности. Неожиданно для себя осознав, что может беспрепятственно дышать под водой, он резко затормозил своё движение и огляделся вокруг. Внизу, в темнеющей глубине, он краем глаза заметил что-то очень хорошо знакомое ему – какой-то большой предмет, медленно опускающийся в разноцветном хороводе рыбок на дно. Рыбак интуитивно осознал, что упускает что-то очень важное, что может объяснить всё с ним происходящее, и, развернувшись, ловкими сильными гребками направился вслед за интересующим его объектом.

За эти несколько минут, что он находился в воде, Генти уже свыкся со своими новыми способностями дышать под водой и даже радовался столь чудесно открывшимся у него талантам, фантазируя, какие возможности перед ним – рыбаком, теперь открываются. Методично сокращая расстояние до цели, он всё больше и больше ощущал растущую внутри него тревогу и страх перед тем, что ему, возможно, предстоит увидеть – слишком знакомым ему казался приближающийся силуэт. В это время над морем из облаков вновь появилось солнце и своими яркими лучами осветило морские толщи, выхватив из темноты погружающегося на дно. В этот миг Генти, находящийся в каком-то метре от цели, отчетливо разглядел, что гнался... за самим собой же! Вернее за своим телом, которое словно неживая кукла продолжало медленное погружение. Генти сначала оторопел от увиденного, но, прогнав ненужные в эту минуту вопросы о причинах и природе происходящего, принялся, словно стараясь разбудить, тормошить его. Убедившись в тщетности своих усилий – его руки проходили насквозь и не оказывали никакого воздействия на тело, он, не понимая, что же происходит на самом деле: почему он раздвоился, почему видит себя со стороны, почему большая рыбина проплыла сквозь его голову, почему морские обитатели не замечают его присутствия... испытал великую грусть и тоску.

Созерцая со стороны свое, такое родное и любимое тело, он понимал, что почему-то расстаётся с ним безвозвратно. Окинув его прощальным взглядом, Генти развернулся и поплыл наверх, к солнцу, к воздуху, к волнам.

Едва вынырнув на поверхность, подручный доктора Ньюмана зажмурился от великолепия царившего вокруг: яркого солнечного света, бездонного голубого неба, расчерченного хаотично пронесившимися белыми облачками, крика чаек, шума и пены волн, и поблагодарил Господа за то, что остался жив, цел и невредим после внезапно разразившегося шторма. Оставалось последнее – доплыть до берега. В том, что ему это удастся после всех испытаний, выпавших на него сегодня, Генти нисколько не сомневался. Однако, не успев сделать и нескольких гребков, рыбак почувствовал, как какая-то сила поднимает его над водой и с ошеломительной скоростью увлекает куда-то ввысь. Через мгновение ощущение движения исчезло, сменившись на чувство спокойствия и радости.

* * *

– ...Множественные переломы позвоночника, разрывы внутренних органов, не говоря уже о том, что хирургам пришлось практически заново его сшивать... Удивительно, как еще жив остался?! Просто феномен какой-то!

– Не повезло коллеге...

– ... Что уж говорить – какая незавидная участь! Прожить остатки своей жизни полностью обездвиженным, являя собой фактически растение...

– ... Ну, на все воля божья! В нашей клинике, да с такой страховкой, доктору Ньюману будет хорошо, лучше, чем где-либо.

– Да, коллега. Похоже, что он приходит в сознание, пойдемте, профессор, не будем ему мешать. Грета, оставляем вам вашего подопечного, вы знаете, что делать.

– Да, господин Клаус, спасибо, господин Клаус, – крепко сбитая, среднего возраста, сестра милосердия в легком поклоне дождалась, когда директор клиники и лечащий врач выйдут из палаты и повернулась к больному.

Доктор Ньюман с закрытыми глазами и багровыми синяками на бледном лице обездвиженной куклой, словно манекен, лежал на белоснежных простынях в кровати отдельной VIP палаты. Медсестра бережно поправила его голову на большой подушке таким образом, что больной оказался в полулежащем положении – так ему будет удобнее приходить в себя. Грета это знала по многолетней работе в этой элитной частной немецкой клинике, спрятавшейся в густых лесах предгорьев Альп. Мельком взглянув на дисплей прикроватного кардиомонитора, медсестра точно определила миг пробуждения своего подопечного и терпеливо дождалась, что он с минуты на минуту откроет глаза.

На самом же деле Ньюман пришел в себя раньше и слышал разговор двух уважаемых докторов, но так как хотел знать правду, то не торопился раскрывать свое истинное положение. Услышанное настолько ужаснуло бывшего трансплантолога, что его сознание снова милосердно, чуть было, не отключилось. Не веря в это, доктор осторожно, стараясь не выдавать себя, попытался пошевелить кончиками пальцев правой руки – но тщетно! Что там пальцев, он не чувствовал рук, впрочем, и ног тоже! Он пытался снова и снова, теперь уже не маскируясь, пробовал повернуть голову, хотя бы почувствовать мышцы тела, но безрезультатно! Он не чувствовал своего тела вообще! Как будто бы его не было... Только одна голова и все! «Говорящая голова», – подумал Ньюман, но тут же испугался: «А говорящая ли?». Оказалось, испугался не напрасно – не говорящая. Язык не слушался, вместо мычания ему удалось выдать из себя только слабый, еле слышный стон. И уже больше не скрываясь, больной открыл глаза, полные слез.

– С пробуждением, господин Ньюман! – услышал он мягкий, приветливый женский голос, а потом и увидел открытое лицо, с мягкой, чуть виноватой улыбкой. – Меня зовут Грета. Я ваша персональная сестра по уходу. Вам сейчас, наверное, очень плохо, но... главное, вы – живы! Жизнь это великое чудо! Не сомневайтесь, вы пойдете на поправку! У нас очень хорошая клиника. Если вы не можете говорить, то я научу вас глазной азбуке...

Ньюман смотрел в ее лицо и практически не понимал, о чем она говорит. Он – живой труп и пойдет на поправку?! Сейчас он хотел только одного – умереть и впервые в жизни обратился к богу: «Господи, почему ты не прибрал меня к себе, там, в ущелье?!».

* * *

Ощущение радости и какого-то безмятежного счастья не покидало бывшего рыбака. Яркое светило солнце, весело шумел ветер в кронах бука и редких в этих местах елей. Вид со второго этажа на поднимающиеся по склону заросли самшита и разноцветье был настолько восхитительным, что у Генти чуть не закружилась голова. Чтобы совладать с собой, он посмотрел под ноги и с удивлением наткнулся взглядом на красные, суховатые, в прожилках лапки. Правда удивление было мимолетным, и Генти тут же забыл о нем. Сейчас он с восхищением отметил, как цепко эти маленькие лапки с тонюсенькими коготочками держат его на поверхности крашеного металлического оконного отлива. Ему захотелось пройти по этому отливу дальше, и Генти пружинисто прыгнул вперед. «Цок – цок – цок», – тут же отозвался металл.

Легкость и свобода, с которой Генти удалось это проделать и не сорваться вниз, была настолько восхитительной, что рыбак не удержался и громко возликовал: «Чжик-ццик-чир-цжик-ццик-чир!». «Да я могу все!», – пронеслось в его голове, и, пружинисто оттолкнувшись, он взлетел. Ловко улавливая восходящие теплые потоки воздуха, Генти, резкими и частыми взмахами крылышек, легко поднялся над клиникой, которая теперь с этой высоты казалась детским, игрушечным разноцветным домиком и, сделав круг над ее ухоженной территорией, снова возвратился к знакомому окну, мягко приземлившись на металлический отлив. Склонив голову набок, рыбак посмотрел одним глазом через стекло – внутрь комнаты. Потом скакнув, повернулся другим боком и снова заглянул в больничную палату, где на кровати лежал человек с замотанной бинтами головой и синяками на лице. Сначала Генти показалось, что этот человек мертв – настолько обездвиженной и безжизненной была его поза, но потом тот открыл глаза и взглянул на него. Только эти, полные муки глаза на мертвенно-бледном лице свидетельствовали о том, что в этом теле еще есть жизнь.

«Да это же доктор Ньюман!», – озарила его сознание догадка. «Ньюман... какой Ньюман? Кто это? Что такое доктор? Доктор?», – через секунду от бывшего озарения в мозгу Генти не осталось и следа. Более того, ему была не интересна картина этой палаты, этот человек, и все, что находилось там – за тонкой перегородкой прозрачного стекла. Гораздо интереснее было тут. Краем глаза Генти заметил, как маленький темно коричневый жучок – короед, он откуда-то знал это совершенно точно, неосмотрительно за какой-то своей надобностью выполз из-за рамы на край металлического отлива. Даже не успев сообразить, что нужно делать, рыбак молниеносным движением схватил клювом жучка и тут же проглотил. «А еще? А еще есть? Хочу еще!», – он несколько раз попрыгал рядом с рамой, поворачиваясь то одним боком, то другим, стараясь заглянуть в щель между стеной, рамой окна и отливом, и обнаружил целые залежи съестных припасов: зернышки и семена деревьев, цветов и кустарников, копошившихся в трухе и неведь как здесь взявшейся земле, червячков, личинок и жучков.

Уже не раздумывая ни о чем, Генти принялся долбить своим маленьким, но крепким клювом в эту щель, пытаясь добраться до всех увиденных им богатств.

* * *

Ньюман потерял счет дням. Он не мог сказать, сколько уже здесь находится. Ничего в его положении не изменилось – он по-прежнему был живым трупом. Медсестра Грета окружила его всевозможными вниманием и заботой, стараясь предугадать желания лишь по одному взгляду, и надо отдать должное – зачастую ей это удавалось.

Свое беспомощное существование бывшему трансплантологу было по-прежнему ненавистным и он бесконечно длинными часами ничего в жизни так сильно не желал, как умереть! Однако состояние его оставалось стабильным, и больно, может быть, уже давно бы и примирился со своим положением, но одно доводило Ньюмана до исступления – это маленькая пичуга, которая, облюбовав его окно, изо дня в день с садистской настойчивостью что-то долбила клювом. Металлический монотонный и одновременно ритмичный стук отдавался в его голове так отчетливо, словно кто-то стоял у изголовья и маленьким блестящим остеотомом пытался пробить его теменную кость.

Вот и сейчас божья птица, устроившись у оконной рамы, принялась методично пробиваться в заветную кладовую: «Тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук...» и снова: «Тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук...». Ньюману казалось, что пичуга не там, за окном, а здесь, вцепившись в его волосы своими когтистыми лапками, маленьким и крепким клювом долбит его прямо в темя, пытаясь проникнуть в мозг. Боль была почти физически ощутимой и каждый раз, когда это повторялось, Ньюман чувствовал, что находится на грани помешательства. Еще несколько

минут такой усердной долбежки, и он перешагнет уже зыбкую грань сумасшествия, погрузившись в его темные беспокойные образы.

На счастье, дверь в палату открылась и вошла Грета. Ньюман, как ни прискорбно было его положение, почувствовал себя по-настоящему счастливым! Ну, все, его мучениям придет конец! Он сможет объяснить медсестре, чтобы та прогнала ненавистную птаху! Грета опытная сиделка и поймет его. «Сейчас, показать глазами... еще раз, еще и еще, так, да... да... кажется поняла!», – возликовал больной, когда медсестра, внимательно наблюдая за движениями его глазных яблок, пошла к окну.

– Душно, да, господин Ньюман? Да, конечно же, здесь душно! Как же я сама не догадалась... Сейчас, потерпите секундочку, сейчас я открою окно, и вам будет хорошо», – успокаивающе-заботливо ворковала медсестра, широко открывая створки окна и вместе со свежим воздухом впуская в палату громкий и отчетливый, показавшийся ей таким жизнерадостным стук: «Тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук...» и снова: «Тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук...».

31.10.2012.

Голуби и белки

* * *

В этой северной стране и в этом городе я оказался первый раз в жизни. Мне несказанно повезло прилететь сюда в командировку на целую неделю, и теперь я вовсю наслаждался окружающим комфортом, красотой и порядком. Днем я работал, а по вечерам гулял по тихим живописным улочкам центра, широким магистралям торговых районов, любовался особняками викторианского стиля, наслаждался кофе и сладостями в открытых уличных кондитерских. Мне нравилось здесь все: и англо-франко говорящий люд, и женщины афро-европейской наружности, вальяжно шествующие по улицам с длинными тонкими сигаретками в еще более длинных и тонких мундштуках, и бородато-кудрявые мужчины с небрежно повязанными шарфами, позволяющими себе заказывать в ресторанах коньяк в обеденное время, и чисто вымытые улицы, и фасады зданий, и постмодернистские скульптуры, встречающиеся то там, то здесь.

Окружающая идиллия настолько убаюкивала, что, выходя из подземки на улицу, я даже не расстроился при виде местного бомжа, спящего у самых дверей стеклянного входа в метро. Бомж был типичным, не этим загранично-красиво-ухоженным, как все вокруг, а самым обычным – страшным. Вид нестарого мужчины, которому еще жить и жить, но уже безнадежно запущенного, больного, грязного, со следами необратимых, губительных последствий своего образа жизни на лице, в любое другое время и в любой другой ситуации вызвал бы у меня как минимум жалость и сострадание. Но сейчас, в этом образцово – организованном и богатом городе, где все тщательно продумано, я воспринял увиденное как данность: так и должно быть. Раз он здесь лежит, значит так и нужно. А иначе как? Совершенная машина городского хозяйства и социального устройства работает без сбоев!

Сейчас, сидя на скамейке в сквере возле городской ратуши, я уже позабыл о том, что увиденной неприглядной сцене на выходе из метро и отдыхал, любясь живописным, словно на открытке, видом на небольшую площадь и стоявший в центре нее памятник. Памятник был самым заурядным – скульптурой какому-то историческому или политическому, или культурному деятелю этой страны. Преисполненный уважением к народу, который создал эту страну, город и живет здесь, я решил поинтересоваться: кто же из ее сограждан заслужил такой великой чести? Подойдя к скульптуре, прочитал на постаменте имя человека, годы его жизни и о его заслугах. Интуиция (или жизненный опыт) меня не подвела – памятник был установлен, действительно, в честь национального политического деятеля. Его имя ничего мне не говорило, значит, личность была не мирового, а так сказать, местного масштаба.

Удовлетворив любопытство, я уже было собрался вернуться на скамейку, как вдруг кольнула мысль: «Памятник-то какой чистый! Неужели моют?». Меня удивило отсутствие каких-либо следов на памятнике или даже намеков на птичий помет, ставший настоящей проблемой российских городов. «Голубей-то нет!», – внезапно осенило меня. И, действительно, за почти полчаса, что я находился в сквере, я не увидел ни одного из них. Сразу же вспомнились многочисленные стаи голубей и их собратьев поменьше – воробьев, уже давно являвшихся неотъемлемым атрибутом и проклятием наших парков, скверов и площадей.

«Ну и ну?! Куда же они делись?», – удивленно подумал я. Мысль, что можно вот так, без птичьего помета, перьев, хлебных крошек и антисанитарии спокойно наслаждаться городским пейзажем, не умещалась в моей голове.

Занятый своими мыслями я направился к скамейке, как вдруг, сделав несколько шагов, едва успел остановиться и не наступить на что-то серо-рыжее, шевелящееся внизу. Это «что-то» оказалось довольно крупной белкой, уставившейся на меня черными бусинками глаз.

«Странно, что не убегает!», – поразился я, вспомнив ее российских хвостатых сородичей, предпочитающих избегать людского внимания. «Наверное, прикормленная, ручная», – найдя подходящее объяснение, я продолжил свой путь.

В это время, откуда не возьмись, одинокий сизый голубь, может быть, заметив меня, и в надежде разжиться едой, описав полукруг, плавно приземлился в нескольких метрах. Гуля и двигая шеей в такт движению, птица осторожно, внимательно наблюдая за мной, стала приближаться. Через несколько секунд, не встретив с моей стороны ничего для себя опасного, голубь успокоился и по идеально стриженному газону смело двинулся ко мне.

Я и птица, последние минуты занятые друг другом, не заметили, как по коричневым стволам голубых елей, линией высаженных позади памятника, серо-рыжие молнии белок устремились вниз на траву. Еще несколько мгновений, и, высоко задрав пушистые хвосты, стоя из двух десятков особей медленным полукружьем вплотную приблизилась к нам. Я, в отличие от голубя, у которого белки находились сзади, успел их заметить, и заторможено наблюдал за тем, что будет дальше.

Долго ждать не пришлось. В следующую же секунду, словно по команде вожака, стоя, как одно целое, кинулась на голубя. Прямо на моих глазах, почти у самых ног, зеленую траву газона покрыло небольшое шевелящееся покрывало серо-рыжих пушистых тел, под которым мгновенно исчезла застигнутая врасплох птица. Торчащие вертикально хвосты образовали собой большой пушистый комок, через который ничего не было видно. Угадывалась какая-то борьба, да и то не долго. Я оцепенел. Омерзение, ужас и жалость к несчастному голубю боролись во мне! Но сильнее всех оказалось любопытство! Я понимал, что мог спасти голубью жизнь, одним пинком ноги отогнав кровожадных белок, но поведение зверей было настолько необычным, что я решил досмотреть этот фильм ужасов до конца.

Пушистый клубок копошился и издавал глухой многоголосый писк, от звука которого к горлу подкатил ком, беличьи хвосты мерно покачивались, потом так же внезапно зверьки вдруг разом отпрянули от центра своего смертоносного круга и серо-рыжими зигзагами, распластавшись по газону, стремительно «взлетели» обратно на вершины елей.

Я опустил глаза в то место, где совсем недавно на меня доверчиво смотрел голодный голубь, и с большим трудом заставил себя не отвести их в сторону: рядом с небольшой кучкой окровавленных перьев и небольшими комочками каких-то темных ошметков, сидела крупная белка и черными бусинками глаз смело смотрела на меня. Мордочка и усы зверька были в чем-то красном.

Приступ тошноты мощным и быстрым импульсом поднялся откуда-то из живота и опрокинул меня на колени, заставив уткнуться лицом в траву и забиться в конвульсиях рвоты.

Когда, успокоившись, через несколько минут я поднял голову, белки рядом уже не было. Почему-то показалось, что пока я стоял на четвереньках и был беспомощен, она могла прыгнуть мне сзади на шею и попытаться острыми зубками разорвать кожу. От этой мысли меня передернуло, и по спине пробежала ледяная судорога. «Тьфу, гадость-то какая! Надо выпить водки или виски, не важно чего, только быстрее... Быстрее в гостиницу!», – подгонял я себя, пока почти бежал из сквера обратно к метро.

«Вот почему у них такие чистые фасады зданий и памятники! Ни одного пятнышка! Ничего птицами не загажено! Как же я раньше не заметил, что нигде не видно голубей. Нигде! Теперь понятно почему – их всех сожрали белки! Зато белок – целые полчища...», – открылась мне очевидная истина. «Что же это такое?! Как такое может быть? Неужели люди этого не замечают? Или это всех устраивает? Чистота и никаких хлопот? Удобно, что и говорить... Но это же противоестественно!», – негодуя, я все дальше удалялся от злополучного сквера.

Вот и знакомая станция метро. Распахнув стеклянную дверь в павильон, я шагнул внутрь мимо лежащего на боку уже «знакомому» мне бомжа, который вдруг выбросил руку и крепко схватил меня за брючину. От неожиданности я вскрикнул и, чтобы не упасть, остановился, пытаясь одновременно сохранить равновесие и освободить ногу.

– Они всех их сожрали! Да!.. И нас... и нас сожрут! Да! Помоги... – приподняв над полом черное от грязи, засохших кровоподтеков и синяков лицо, бездомный впился в меня взглядом безумных глаз.

Прохожие шли мимо, не обращая на нас внимания. Я никак не мог освободить ногу и не знал, что делать дальше. Ну не бить же мне этого несчастного!

Внезапно стеклянные двери с улицы распахнулись, и вошли двое высоких мужчин крепкого телосложения, одетых во что-то серо-неброское. Молча подойдя к нам, один из них сцепил руку бродяги, которой тот по-прежнему пытался держаться за меня, другой в это время ловким движением заклеил бомжу рот скотчем и вдвоем, уложив бродягу на складные матерчатые носилки, они вынесли его на улицу. Кинувшись к дверям, я успел заметить черный микроавтобус, в который, распахнув задние дверцы, неизвестные затолкали носилки с бездомным. Один из них повернулся ко мне. Я в ужасе оторопел – на меня смотрели две черные бусинки глаз и беличья мордочка с темными усами, испачканная чем-то красным:

– *Чистота и никаких хлопот!* – и погрозил мне пушистым мохнатым рыже-серым пальцем, после чего сел на водительское сиденье и, тронув машину с места, исчез в городском потоке.

Я стал задыхаться, казалось, что потолок станции метро опустился всей своей многотонной громадой на меня и вот-вот раздавит. Не в силах больше оставаться здесь, я выскочил на улицу и побежал вдоль дороги.

Многие водители автомашин, троллейбусов и автобусов, заметив размашисто и одиноко бегущего по улице мужчину спортивного телосложения, с сосредоточенным лицом, в хорошем деловом костюме, галстук и кожаной коричневой папкой в руке, искренне радовались за этого приверженца здорового образа жизни и, сигналив клаксонами, приветствовали меня взмахами рук.

17.10.12 г.

Случай в урочище Погибловская

История основана на реальных событиях. Все совпадения не случайны

* * *

– Здравствуйте. Ваш паспорт, – вежливо, но сухо, не отрывая головы от каких-то записей, попросила женщина в медицинской униформе, – ...так, проживаете... проживаете в деревне По...ги...бловская? – и подняла удивленное лицо на согнувшуюся в окошко регистратуры просто одетую миловидную женщину лет тридцати. – Погибловская? Я не ошиблась? – еще раз, с сомнением переспросила она.

– Да, Погибловская, все правильно, – подтвердила посетительница. Дежурная склонила голову на бок:

– Да уж... Куда идете?

– К гинекологу, – немногословно ответила женщина.

– Сегодня прием только на операцию...

– ...Да, я знаю, – стушевавшись, негромко ответила та, – я по записи... предварительной.

Дежурная скользнула взглядом полным искреннего непонимания по незнакомке и, встав со стула, направилась к стеллажам с медицинскими картами. Быстро найдя нужную, вернулась к рабочему месту и, молча, протянула посетительнице.

* * *

– Мама, мама, а когда ты с папой в голод поедете, купите мне блатика, а? или сестленку, – смешно не выговаривая букву «р», спросил Ваня. Супруги в этот момент ужинали, а трехлетний сынишка играл большими разноцветными кубиками на ковре возле теплой русской печи.

Родители мальчика переглянулись, после чего отец опустил глаза в тарелку, а мать, слегка поперхнувшись, не сразу ответила:

– Купим, потом. Денег сначала заработаем, а потом обязательно купим. А ты расти быстрее, помощником нам будешь хорошим.

– Мама вот только из города приехала... хороший подарок тебе привезла, нравится? – попытался перевести разговор на другую тему отец.

– Да, нравится, – охотно ответил малыш, тут же переключившись на полностью завладевшие его вниманием яркие кубики.

– Как ты себя чувствуешь, Аня? – обратился мужчина к жене.

– Коль, да хорошо все. Нормально уже себя чувствую, – с улыбкой погладив его запястье, поторопилась с ответом миловидная женщина. – Вот только... – низко опустив голову и прижав ладонь к груди, не договорила она.

Николай, встав со своего места, обошел стол и, прижав голову женщины к себе, погрузил широкую заскорузлую ладонь в ее мягкие, пшеничного цвета волосы:

– Все будет хорошо, все пройдет... Ань, надо сено убирать. Вся следующая неделя еще сухой будет, а потом до конца июля – дожди. Не успеем скосить и увезти, дороги раскиснут, и все сгниет на поле.

– Уберем, конечно же, уберем. Ванька уже совсем большой, один дома посидит.

– Да, на поле работать он нам не даст. Тяжело мальцу будет с зари весь день там... с оводами да слепнями, – согласился с женой Николай.

* * *

Солнце приближалось к зениту, и Николай, уперев косу рукоятку в землю и вытерев косынкой пот со лба, скомандовал:

– Все, на сегодня хватит!

Женщина, стряхнув сырую, темно-зеленую траву с зубьев граблей, перехватила черенок посередине и направилась к ближайшему стожку, в тени которого стояла объемистая бело-зеленая клетчатая сумка со снедью и питьем.

– Коль, иди хоть покушай, а?! – позвала Анна, – так работал много.

– Да я то что... Вот ты у меня – молодец! Что бы я без тебя делал?!

Привалившись спиной к мягкой стене сена, мужчина с блаженством выпрямил ноги и выгнулся в пояснице:

– Э-э-эх! Ну, давай, что там у тебя.

И в этот момент супруги неожиданно слышали громкий и отчетливый детский плач. Оба остановились, прислушиваясь. Так и есть, звук очень похожий на плач ребенка доносился из-за рощицы, со стороны болота. Едва подумав, что это мог потеряться чей-то ребенок, муж и жена собрались было бежать на помощь, как вдруг звуки резко изменились и стали похожи на крик какой-то большой птицы. Высокие визгливые ноты пробирали тело до дрожи. Хотелось заткнуть уши. Но так продолжалось недолго: пронзительные вскрикивания снова перешли в громкий отчетливый плач, потом всхлипывания, а вскоре и вовсе прекратились.

Под впечатлением услышанного, с мрачным, подавленным настроением приступили к обеду. Несмотря на голод, ели без аппетита, молча, думая о пронзительных нечеловеческих звуках, раздававшихся поблизости.

Николай, хоть и невысокого роста – впору жене, был жилист и вынослив, и другим, более крепким с виду мужикам в деревенской работе мог запросто дать фору.

Из-за ненадобности он брился раз в неделю, по воскресеньям, и сейчас, в четверг, имел ощутимую на вид и, особенно на ощупь, темную щетину. Анна всегда удивлялась: почему сам темно-русый, а щетина почти черная? Закончив есть, Николай смахнул крошки хлеба и яичного белка из дебрей колючей нарождающейся бородки и, заложив руки на затылке, заросшем почти до плеч волнистыми волосами, удобно устроился в податливом ароматном сене для короткого отдыха.

– Спасибо, все было вкусно, – коротко поблагодарил он жену, – хорошо поработали. К воскресенью точно закончим.

Супруга была согласна с мужем: работа, так же как и вся их семейная жизнь, ладилась. Вот только три месяца назад заминка одна произошла: забеременела Анна. После долгих сомнений и раздумий супруги пришли к очень трудному решению – не время сейчас для еще одного ребенка. Денежной работы нет. В агрофирме даже их мизерную зарплату уже полгода не выплачивают. Во всей деревне вместе с грудничками и старухами и ста человек не наберется. Вымирает Погибловская. Не ценится крестьянский труд, а за гроши никто уже работать не хочет, вот и уезжают молодые в город. Те, кто остался, живут натуральным хозяйством, да кое-что из выращенного продают на рынке. Куда уж сейчас пополнением обзаводиться? После долгих и тяжелых раздумий Анна решила на аборт. Николай не подталкивал ее к этому решению, но и не отговаривал, и в назначенный день проводил жену до автостанции, а сам остался с сынишкой «на хозяйстве».

Молодая здоровая женщина быстро восстановилась после болезненной операции, а время, чистый воздух и живописная природа: речушки, поля и рощи делали свое дело, вселяя в эту семейную пару свойственным сильным людям оптимизм: мы еще молодые, заведем еще деток, и не одного!

* * *

Вернувшись с поля и отперев ключом дверь, супруги вошли в дом. В комнате было тихо, и это сразу насторожило родителей. Где их неугомонный веселый Ванятка? Почему не выбегает навстречу? Не теребит мать за подол в надежде получить гостинец... Наскоро осмотрев спальню, комнаты, кухню родители совсем было ополоумели от страха и остановились в растерянности, как вдруг услышали какой-то звук, не то плач, не то скулеж, едва различимо доносившийся со стороны большой русской печи. Рывком отодвинув занавеску, Николай увидел сынишку, забившегося в самый дальний угол лежанки. Мальчик сжался в комок, подобрал колени и уткнулся в них лицом. Вытащив Ваню из укрытия, испуганный отец передал сына матери, сразу же покрывшей все его заплаканное лицо поцелуями и запричитавшей:

– Ну, что ты? Что случилось? Ох, и напугал ты нас с отцом!

С трудом успокоив мальчика, взрослые вернулись к своим делам, а сынишка все время крутился рядом, стараясь находиться возле матери. Ближе к вечеру, перед сном, укладываясь в кровать, он жалобно попросил:

– Мама, не оставляйте больше меня одного! Анна в недоумении уставилась на него.

– Не оставляйте! – просительно повторил мальчик, заглянув ей в лицо ясными голубыми глазами и пояснил, – а то она меня съест.

Отец и мать подавленно переглянулись, не зная, как реагировать, что ответить малышу.

– Кто? Ты что-то видел? – настойчиво попытался выяснить Николай, но Ваня уже замкнулся в себе и отвечать не хотел.

Едва дождавшись, когда ребенок уснет, Анна сразу же вернулась к беспокоившей их теме:

– Кто его мог напугать? Может, он тоже слышал эти странные крики?

– Не знаю... – в раздумье протянул Николай. – Может, мультиков насмотрелся, а сейчас мерещится всякая ерунда, монстры...

– Может быть, – неуверенно согласилась с ним жена. – Надо завтра ему побольше игрушек оставить, сладостей, чтобы не пугался.

На этом и порешили.

* * *

На рассвете следующего дня, отправляясь на сенокос, мать подтолкнула маленькое ватное одеяло с боков, натянула его на детские плечи сына – пусть дольше поспит и, неслышно ступая, вышла из спальни. Закрыв замок уличной двери, чтобы Ваня не выбежал во двор, полный опасностей для трехлетнего ребенка – один колодец чего стоит, супруги направились к калитке, открывавшей путь в лес, к полю. Анна обернулась назад: что-то тревожно саднило в груди и звало ее вернуться обратно, к Ване, но переборов минутный неосознанный приступ страха за сына, жена догнала ушедшего вперед супруга и присоединилась к нему.

Дом Чаплыгиных стоял на краю деревни. Широкая тропа вела от дома к лесной речушке, превращавшейся летом в неширокий ручей, впадающий в небольшое заболоченное озерцо. Дальше тропинка петляла среди деревьев и кустарника вытянутой в длину рощицы и минут через десять неспешной ходьбы выводила на широкое поле. Эти поля, когда-то совхозные, сейчас были заброшены и, никем не обрабатываемые, заросли высоким сочным разнотравьем – лучшим кормом для домашней скотины.

Хорошо поработав и утолив голод, так же как и накануне, супруги стали собираться домой, как вдруг... снова раздался громкий жалостливый детский плач, а через минуту – пронзительный, душераздирающий крик. Охваченные ужасом, предчувствуя недоброе, они схватили свой скарб и побежали к дому. Пока бежали через рощицу, детский плач и всхлипыва-

ния прекратились. Открыв замок уличной двери, вломились внутрь, и... снова их встретила гнетущая тишина. Но, наученные горьким опытом, родители быстро обнаружили сына там же, где и вчера – на лежанке печи, в самом дальнем углу.

Мальчик выглядел зареванным и напуганным пуще, чем раньше. На настойчивые расспросы не на шутку встревоженных родителей отвечал лишь:

– Она снова плиходила... хотела меня сожрать, но я залез на печку, и она меня не достала. Не оставляйте меня одного, она меня сожлет!

– Да кто «она»? Ваня, кто? – безуспешно допытывались супруги, добившись лишь обратного – сын закрыл лицо руками и уткнулся головой в грудь матери.

Вечером, уложив кое-как успокоившегося ребенка спать, муж и жена в смятении пытались найти объяснение происходящему. Однако как не пытались, ничего, что могло бы хоть как-то пролить свет на эту загадку, они не придумали. Угадывалась какая-то зловещая связь между воплями на болоте и сильным испугом мальчик, но какая?

– Один день осталось, один день! Завтра все сено вывезем с поля, и уже не надо будет уходить надолго из дома, – как заклинание повторял Николай.

Ранним утром на следующий день, поцеловав в лобик спящего сынишку, Анна прошептала еле слышно:

– Сынок, потерпи, пожалуйста... всего полдня, к обеду вернемся...

* * *

Работа спорилась: погрузчик быстро грузил стоговое сено в большую тракторную телегу. Николай вилами помогал, поддерживал сползающие пласты с высокого борта, перекидывал обратно в кузов выпавшее сено; Анна граблями быстро подбирала то, что не мог взять погрузчик и прибирала остатки сена за мужем. Работать надо было быстро – каждый час аренды погрузчика стоил дорого. Наконец, закончив, и едва вытерев с лица пот, супруги без передышки, покидав инструмент в телегу, не дожидаясь, когда трактор развернется в сторону деревни, зашагали домой.

Напряженный труд отогнал вчерашние страхи и ночные кошмары, беспокойство за ребенка притупилось. Более того, обеспечив свое хозяйство сеном на весь следующий год, супруги почувствовали неимоверное облегчение от свалившегося с их плеч груза и радостно строили планы на будущее.

Они быстро пересекли рощицу и миновали заросшее тиной и камышом с кувшинками озерко, как внезапно остановились от... отчетливого детского плача за спиной. Что за зверь или птица могли издавать такие звуки?! Николай решительно развернулся в сторону болотца и собирался раз и навсегда прояснить природу этих пугающих воплей, но жена, крепко схватив его за руку, отчаянно потащила в противоположную сторону. В это время плач сменился на леденящий кровь хохот:

– Э-х-х-хе-хе, эх-хе-хе! О-о-о-х-хо-хо! О-о-о-х-хо-хо! И больше не мешкая, люди побежали к своему дому.

* * *

Мертвая тишина пустых комнат встретила их и на этот раз. С бухающим, готовым не то остановиться, не то, наоборот, выпрыгнуть из груди через горло сердцем, Николай осматривал одну из них за другой – сына нигде не было видно. Анна, закусив кулак и из последних сил сдерживая рыдания, следовала его примеру, проверяя другие помещения. К печи они кинулись первой, но на этот раз их ждало парализующее волю разочарование – лежанка была пуста.

Обессилено усевшись на стулья, супруги решили перевести дух:

– Так, думаем хорошо. Думаем. Где он может быть...

– Дверь была закрыта снаружи, ты сам ее открывал. Окна закрыты, стекла на месте – значит он в доме, – лихорадочно соображала Анна.

– Посмотри еще раз на печи, может, там игрушка какая его осталась или вещь... сообразим, что он делал. Надо восстановить хронологию событий. А я – в подпол. Не мог он, конечно, люк открыть, слишком тяжелый, но мало ли что...

Николай потянул за металлическое кольцо и с рывком оторвал квадратную крышку люка от пола. Из подполья пахнуло затхлостью, сыростью и... чем-то неживым. Так пахнет провалившаяся после весеннего паводка свежая могила. Всматриваясь в темноту в поисках лесенки: куда поставить ногу, Николай низко склонил лицо над проемом. Ему показалось, что чернота внизу как будто бы сгустилась, и он, оперевшись руками о края проема, еще ниже опустил голову в мрачный провал. Мужчина отчетливо ощущал волны опасности, какой-то враждебной всему живому субстанции, явно побывавшей здесь, а может, до сих пор притаившейся в темноте подполья, и изо всех сил таращился подслеповатыми в мрачном сумраке глазами... как вдруг... услышал пронзительный крик жены:

– Ой! Ой! Коль, Коль, иди сюда, скорей!

Мужчина быстро выпрямился и кинулся к жене. Анна, держась рукой за колено, ошеломленно всматривалась во что-то внизу, у основания печи, указывая пальцем:

– Смотри!

К задней части печи, для того чтобы забираться на лежанку, была приставлена небольшая деревянная лесенка.

– Я собиралась подняться по ней, но нога неожиданно провалилась в пол, вон, всю коленку разодрала, – возбужденно объясняла женщина.

И, действительно, там, куда указывала Анна, Николай увидел... большое, сантиметров тридцать-сорок в диаметре с неровными краями отверстие в полу. Мужчина присвистнул и, сев на корточки, опасливо провел пальцем по его краю: толстые, не менее семи сантиметров толщиной половые доски были очень грубо чем-то пропилены.

Истерзанное дерево имело многочисленные резаные следы, на спиле всюду виднелись волокна и крупные опилки, небольшие щепки. Взяв одну из них – покрупнее, мужчина поднес ее к глазам и внимательно рассмотрел. Его тело била мелкая дрожь. Потом поднял лицо к жене и убитым голосом произнес:

– Если бы я верил в чудовищ, то сказал бы, что такие следы могли оставить только их зубы. Я не знаю, каким инструментом можно так изуродовать крепкую древесину. Впечатление, будто бы доски не выпилили, а... прогрызли...

Эти слова стали последней каплей в чаше истерзанных за последние три дня нервов молодой женщины и она, больше не сдерживаясь, разрыдалась.

* * *

Весть о том, что у Чаплыгиных пропал малолетний сын, быстро облетела деревню, и к их дому тут же потянулись сочувствующие и любопытствующие односельчане. Некоторым из них вначале даже удалось проникнуть внутрь и потом, вернувшись обратно к причитающим старухам, строящим догадки мужикам, ревушим бабам, рассказать о зловещих подробностях, главной из которых являлась пугающая дыра в полу. Вместе с мужиками Николай тщательно обследовал подпол, и вскоре сельчане ужаснулись еще от одного открытия: в грунте, ниже фундамента дома кем-то или чем-то был вырыт ход, округлая дыра от которой обнаружилась в дальней, самой темной части подвала. Но больше всего людей напугала другая находка: на земляном полу и внутри самого отверстия насколько позволял заглянуть внутрь хода луч электрического фонаря, виднелись... крупные, отчетливые следы какого-то существа. Николай с

товарищами долго всматривался в незнакомые отпечатки, строя догадки: что могло их оставить, пока один из мужиков осторожно не предположил:

– Похожи на лягушачьи, только очень большие.

Действительно, следы имели по четыре отчетливых углубления каждое, как от пальцев лягушачьей лапы, разделенных друг от друга перепонками. Мужики не знали, что и думать. Но еще больше их озадачил другой след – тонкая полоска в грунте, тянувшаяся за неизвестным существом.

Анна, выпив изрядную порцию успокоительного, сейчас в окружении соседок лежала на кровати, отказываясь верить в страшную правду, а хозяин дома с горящими глазами схватил двустволку и в сопровождении нескольких мужиков выбежал на крыльцо.

Летний вечер стремительно закатывался. Солнце вот-вот собиралось спрятаться за линию горизонта. Охваченные неудержимым порывом, группа сельчан, во главе с Николаем пошла в сторону болота, откуда несколько дней раздавались зловещие звуки: плач, всхлипывания, хохот. Оказалось, что не только Чаплыгины слышали их, но и еще несколько человек. Толпа становилась все многочисленнее, и увлекаемая азартом охоты, а может быть, из сострадания, тоже двинулась вслед за обезумевшим от горя отцом.

Быстро достигнув заболоченного озерца, люди рассредоточились по его берегу в надежде что-то отыскать, и их усилия не оказались напрасными. Почти сразу на невысоком обрыве, в полуметровой толщине светло-коричневой глины, кто-то обнаружил... такое же отверстие, как и в подвале дома Чаплыгиных.

Одна, противоположная часть берега была недоступна людям, так как представляла собой сплошную топь, заросшую густым камышом. В темноте зарослей угадывались очертания большой коряги – полусгнившего ствола тополя, давным-давно вырванного с корнем и упавшего в воду. В это время красный диск солнца, показавшись из-за небольшого облачка, прощальным лучом осветил болото и торчавшую у берега корягу. Через минуту солнце окончательно скрылось за горизонтом, и окрестности погрузились в быстро сгущающиеся сумерки, но этого времени оказалось достаточным, чтобы кто-то из деревенских заметил на коряге нечто необычное и криком:

– Смотрите, смотрите! – привлек внимание остальных.

В лучах солнца перед десятками пар человеческих глаз предстало... какое-то, никем из них ранее не виданное, размером с дворнягу, существо. Оно сидело к ним боком, почти спиной, и на крик повернуло голову. Все без исключения от приступа ледяной волны первобытного ужаса потеряли дар речи и оцепенели. Чудище имело лягушачье тело, покрытое темно-зеленой грязной, лишенной шерсти или чешуи кожей. Туловище покоилось на четырех лапах, две из которых – задние, были мощными и явно приспособлены для прыжков. Лапы были увенчаны длинными пальцами с перепонками, на концах которых виднелись загнутые коричневые когти. Туловище дополнял длинный, не менее метра хвост как у ящерицы. Шеи у чудовища практически не было – голова как-будто вросла в покатые плечи. Когда существо медленно повернуло в сторону людей голову, то многие из них отшатнулись, настолько необычным и отвратительным было увиденное: голова чудища была... человеческой! Ее лицо было, несомненно, женским, скорее даже молодой девушки или совсем девочки. Люди разглядели спутанные, темные волосы до плеч, не скрывавшие треугольных, остроконечных ушей. Рот был непропорционально большим для этого лица и в свирепом оскале обнажил два ряда длинных острых зубов:

– Э-х-х-хе-хе, эх-хе-хе! О-о-о-х-хо-хо! О-о-о-х-хо-хо!

Казалось, что еще мгновение, и монстр в два-три длинных, по высокой дуге прыжка преодолел разделявшее его от людей расстояние и вонзит когтистые лапы в грудь ближайшего из них, остервенело разрывая горло несчастного острыми клиновидными зубами.

Неожиданный мерзкий хохот вывел людей из оцепенения и, растолкав сельчан, Николай вскинул двустолку. Раздались один за другим два выстрела, но за секунду до этого неизвестное существо спрыгнуло с коряги в густые заросли камыша, и с шумом раздвигая высокие стебли, ушло в темную воду.

– Кикимора! Это кикимора! – прошелестело среди толпы, и чья-то догадка разом охватила сельчан. – Это кикимора украла Ванятку, кикимора!

Древнее языческое слово хлестануло сознание Николая. На ум пришли позабытые детские воспоминания о душах неродившихся детей, воплощавшихся в болотных чудищ. «Неужели, неужели все это правда?», – ошеломленно думал он, едва передвигая непослушные ноги по пути к дому.

20.01.2014 г.

Мечты сбываются

* * *

Хозяйка кабинета, элегантно одетая женщина средних лет, едва глянув на лежащий перед собой документ, размахисто поставила подпись. Затем торопливо выдвинув верхний ящик стола и, взглянув на небольшую икону Божьей Матери, устроившуюся поверх слегка потрепанного телефонного справочника, пробормотала: «Господи, прости меня грешную!», – после чего выдохнула и, уже неспеша, вернула ящик стола на место.

– Лена... пусть поставят печать, и позвони Михаилу Васильевичу, чтобы приехал акт забрал... – властным тоном начала наставлять вошедшую на вызов секретаршу, совсем еще девочку, старающуюся не встречаться взглядом с грозной владелицей роскошного кабинета.

– Да, Елизавета Андреевна, хорошо. Еще что-нибудь?..

Не дождавшись ответа от сосредоточенно набирающей номер мобильного телефона начальницы, закончила:

– Ну, тогда хорошего вам отдыха и поскорее возвращайтесь!

– Спасибо, Леночка! – бросила та, уже диктуя кому-то в телефон: «Да, да, сегодня, в двадцать пятьдесят, да...»

Вечером этого же дня, уютно устроившись в удобном кресле «лайнера мечты», новейшего **Boeing 787 Dreamliner** китайской авиакомпании AIR CHINA, утолив голод сочным лососем и вернув миловидной стюардессе поднос с ужином, Елизавета Андреевна подняла пластиковую шторку иллюминатора. Рассмотреть что-нибудь с высоты одиннадцати тысяч метров в кромешной темноте за бортом самолета было невозможно, зато в толстом стекле пассажирка отчетливо увидела свое отражение – правильный овал лица с волевым подбородком, широко расставленными выразительными глазами, высокую прическу – этакая Валентина Терешкова в пору ее легендарного теперь уже полета в космос. Чуть вздернутый небольшой нос, чувственные губы и идеальный платиновый цвет волос выдавали в строгой государственной даме привлекательную, еще не поставившую на себе крест, женщину.

Не сумев отвлечься пейзажами из иллюминатора самолета от назойливо сосущей где-то в груди тревоги, чиновница постаралась переключиться на более радужные мысли.

«Все, хватит хандрить! Впереди две недели отпуска! Целых полмесяца отдыха и удовольствий! Каждый живет, как может...», – откинувшись на спинку кресла, приказала себе Елизавета Андреевна, и, привычно прошептав: «Господи! Прости меня, грешную! – завернувшись в шерстяной плед, – утром проснись уже на Гавайях...».

* * *

Из окна типичного американского пятизвездочного отеля открывался вид на прилегающую территорию, а за ней – на широкую светло-желтую полосу пляжа и темно-синие волны океана. Первый день отдыха пролетел незаметно и оказался заполнен хлопотами с приездом, размещением и знакомством с местом, где ей предстояло прожить почти две недели. Туристка даже успела искупаться в теплых водах Тихого океана и, осматривая причудливой формы галерею бассейнов, тропический сад, открытую эстраду ресторана, конечно же, отдыхающих, коих здесь было в изобилии, поужинать на террасе своего номера.

К своим сорока шести годам, не сумев обзавестись семьей и построить личное счастье, чиновница, а Елизавета Андреевна занимала ба-а-альшую государственную должность, мах-

нула рукой на свою, когда-то романтическую и чистую натуру, и конвертировала всю неумную энергию и богатейший опыт в твердую валюту и родные российские рубли. Конечно же, она не стала законченной мерзавкой. Более того, почти всегда стыдилась своего мздоимства, обращалась к богу в надежде замолить грехи и испытывала хоть и слабые, но отчетливые угрызения совести, как те, что мучили ее весь многочасовой перелет сюда. Справедливости ради следует отметить, что ее нравственные терзания не ограничивались только «внутренними» душевными метаниями, а как у любой деятельной натуры, какой, несомненно, Елизавета Андреевна являлась, требовали выхода «наружу» и воплощались в многолетней и весьма ощутимой помощи кризисному центру для женщин. Телефона и адреса этого учреждения нельзя было найти ни в одном справочнике – только так можно было обеспечить полную анонимность молодым девушкам и женщинам постарше, многим с детьми – жертвам домашнего насилия – сбежавшим в приют, спасаясь от своих мужей-тиранов, алкоголиков, садистов.

Для чего ей нужны были деньги, Елизавета Андреевна знала всегда: в молодости – как у всех, чтобы элементарно выжить и наладить быт, в зрелом возрасте они стали эквивалентом ее успеха, сейчас же они нужны были главным образом как средство для устройства личного счастья, которое никак не складывалось, но которое она во чтобы то ни стало надеялась обрести. Женщина тщательно следила за собой, посещая модные спа-салоны и фитнес-центры, и одевалась в дорогих магазинах. Ее нередко можно было встретить в самых разнообразных местах Москвы: на презентациях, выставках, модных показах, скачках, автошоу – везде, где была вероятность встретить достойного ее мужчину. Курорты в этой системе глобального поиска по праву занимали важнейшее место, и, едва отдохнув от утомительного перелета и осмотревшись, Елизавета Андреевна вышла «на охоту».

С высоты третьего этажа, быстро оценив обстановку, она решила, что наиболее выгодным положением для наблюдения будет широкий проход между дальней оконечностью бассейна, примыкавшим к ним ротондам с горячей радоновой водой, и густой стеной сочно-зеленого кустарника, начинающегося тропического сада.

Устроившись на бамбуковом шезлонге в тени пальмы, туристка устремила свой взгляд вверх предусмотрительно прихваченной с собой «читалки» в сторону разношерстной многоликой толпы, шумно оккупировавшей плавно спускающиеся в воду бассейна ступени эстрады. В этой группе туристов Елизавета Андреевна заметила интересных мужчин и жестом подозвала официанта. По роду основной деятельности она ежедневно шла на компромиссы, поэтому оставаясь наедине с собой, решительно отметала все полутона и условности: «Темный Bacardi!».

Заказав любимый ром, женщина, не спеша, встала с шезлонга и, плавно покачивая округлыми бедрами, мягко прошла по нагретым солнцем овальным камням к ближайшей, изящной древнегреческой архитектуры, ротонде. Большая, метра четыре в диаметре, мраморная ванна была пустой. Вернее – в ней не было людей, зато она была полным-полна маленьких, не больше указательного пальца в длину, темно-коричневых рыбок. «Peel. \$15 – 0,5h» гласила надпись на витиеватой стойке тут же. «Ну, а что? Пилинг так пилинг, почему бы и нет?! А радон, видимо, дальше, в других – завтра залезу...», – Елизавета Андреевна обрадовалась возможности попробовать экзотическую процедуру.

Спустя еще минуту, оплатив за целый час: «Кашу маслом не испортишь!», – небрежно бросив электронную книгу рядом на махровое полотенце и одев ажурные наушники MP3 плеера, она, опираясь на руку боя-мулата, аккуратно, боясь поскользнуться, ступая по ступенькам и охая не то от новых ощущений, не то от страха наступить на хаотично заматававшихся рыбок, погрузилась в прохладную воду. Вдоль борта ванны по всему периметру на разной высоте шли три ступеньки: так можно было выбирать глубину погружения. Усевшись на самой высокой, и тем самым позволив воде подняться только до талии, туристка с любопытством привыкала к новым ощущениям. Стая рыбок тут же плотно облепила ноги, бедра и ягодицы женщины.

«Какие голодные!», – промелькнуло в голове, когда она рассмотрела, как жадно юркие пигалицы тычутся своими маленькими ротиками в ее кожу-броню. Понаблюдав за ними минуту-другую, женщина определила, что среди них есть и второй вид рыбок: они были еще меньше размером – с полпальца и имели слегка приплюснутую голову. Окончательно успокоившись, Елизавета Андреевна осмелела настолько, что опустила еще на одну ступеньку – теперь вода достигла ее полной груди.

К этому времени интересующая ее группа веселых шумных мужчин и женщин переместилась за столики открытого, продуваемого океанским бризом ресторана, и почти выпала из зоны видимости, оставив ее наедине с собой.

«Ну и хорошо... отдохну. Через час они от меня тоже никуда не денутся!», – нисколько не расстроилась россиянка. Вместо этого она быстро, но не жадно, мелкими глотками опустошила принесенный официантом бокал сладкого и одновременно обжигающего рома, опустила светло-кремового цвета пляжную шляпу пониже на глаза и, включив плеер, закрыла глаза.

* * *

«Без тебя, без тебя
Все ненужным стало сразу без тебя,
От заката до рассвета – без тебя,
Так нужна ты мне – любимая моя.
Без тебя, без тебя...»

негромко лился из наушников голос любимого певца. Ром приятно согрел, и волна тепла мягко покатила дальше – к ногам. Тем временем, гарра руфа – специально завезенные с Востока рыбки, уже безбоязненно облепили тело женщины и неистово счищали с ее кожи омертвевшие чешуйки, открывали поры, массировали мириады нервных окончаний. Ощущения были восхитительными, очень похожими на щекотание или легкие поцелуи! Елизавета Андреевна сначала хихикала от щекотки, потом постанывала от удовольствия, а затем, чему немало способствовали приглушенные лучи солнца и выпитый ром, полностью расслабилась и погрузилась в дрему.

«Да и черте ними, этими фальсифицированными медикаментами... Некачественное мясо... запредельно дорогое оборудование для школьных столовых... ничего страшного, о себе сам не позаботишься, а о тебе тем более никто...», – словно огромные валуны мысли тяжело перекатывались в ее сознании.

А потом, она и вовсе... заснула. Расслабленное тело медленно, не встречая на своем пути сопротивления, сползло еще на одну ступеньку ниже – теперь не закрытым водой оставалось только лицо женщины. MP3 плеер, висевший на шнурке на груди, сразу же замкнул и перестал работать, голос певца в наушниках смолк, а шляпа в воде всплыла и закрыла лицо Елизаветы Андреевны. Тропическое солнце неслось к горизонту, уступая небо быстро надвигающейся южной ночи, но чиновница ничего этого не видела и не чувствовала – измотанная от непосильных служебных дел, она безмятежно спала глубоким сном.

Если бы сейчас женщина пробудилась от целительного сна, то увидела бы, что одна из рыбок, тех – другого вида, что в два раза меньше гарра руфа, подплыла сбоку к ее бедру и остановилась в воде на одном месте, словно что-то рассматривая. Этим «что-то» была маленькая, почти черного цвета родинка, отчетливо оттопыривавшаяся на фоне белоснежной гладкой кожи.

Рыбка тоже была не простой. Это был гавайский бычок, примечательный тем, что вынужден периодически мигрировать из морской воды в пресную и обратно, преодолевая по суше и

скалам расстояние до тридцати метров. Для этой цели природа наградила его мощным ртом-присоской и второй присоской на брюшке – для лазания по вертикальным поверхностям. Ну, и, конечно же, эта удивительная рыбка, могла продолжительное время находиться на воздухе.

Предприимчивые гавайцы для усиления пилингового эффекта усовершенствовали древнюю, уходящую тысячелетними корнями к традициям Индокитая и Малой Азии технологию, и стали помимо гарра руфа использовать своих бычков, благо те были доступны и проживали повсеместно. Один гавайский бычок по скорости удаления омертвевших и ороговевших чешуек кожи с лихвой заменял несколько дорогих и прихотливых гарра руфа. Выгода была очевидна!

Как раз такой же представитель местной фауны, присмотревшись к заинтересовавшему объекту, наконец, решительно атаковал его. Секунда-другая, и маленькая черная родинка на теле высокопоставленной россиянки была безжалостно оторвана мощным ртом-присоской и безвозвратно проглочена маленькой темно-коричневой рыбкой.

На месте сорванной родинки тут же образовалась кровоточащая ранка, к которой с новой силой прильнул гавайский бычок. И если гарра руфа, счищая старые омертвевшие слои эпидермиса, обрабатывали микротрещинки, ранки, ссадинки, открывавшиеся участки молодой, новой, розовой кожи специальным антисептическим составом, то гавайский бычок, напротив, выделял секрет, не способствующий свертыванию крови.

Прошло несколько минут, и вода в ванной буквально закипела – это по сообщаемой системе труб на запах сочащейся крови приплыли тысячи сородичей гарра руфа и гавайских бычков еще из нескольких ротонд и специального подземного резервуара, куда они помещались на ночь. Конечно же, безобидные рыбки не были плотоядными и не могли причинить серьезного вреда Елизавете Андреевне, но вкус крови сбил их с толку, заставил волноваться и привлечь внимание к ее источнику. Еще через какое-то время природный инстинкт возобладал и каждой из вновь приплывших рыбок, так же как и тем, что уже были здесь, нашлось занятие по их прямому назначению – отшелушивать верхние слои кожи Елизаветы Андреевны.

А женщине в это время снился сон, будто долгожданный суженый, лица которого она почему-то не видела, обнимает ее целиком и нежно гладит, и целует все ее тело. Истосковавшаяся по ласке женщина не помнила, когда еще ей было так хорошо! И не собиралась просыпаться.

* * *

Вечер катился к закату, еще немного и на белоснежный отель опустится непроглядная, наполненная ароматами бурной растительности и нагретой океанской глади, интригующими и манящими звуками южная ночь. Территория его опустела: большинство переместилось в многочисленные бары и рестораны, кто-то отдыхал от дневного зноя в кондиционированной прохладе номеров, другие проводили время за зеленым сукном рулетки, наиболее неугомонные отправились на яхте в океан на ночное шоу. Служащие отеля в это время начали готовиться к следующему дню и приводить в порядок огромное хозяйство роскошного отеля.

Чистильщик бассейнов, осматривая: не забыл ли кто личные вещи, где и сколько мусора предстоит убрать, не поломаны ли лежаки, исправна ли подсветка и другое техническое оборудование... направлялся к белеющим в темноте ротондам, из которых ему для начала предстояло спустить радоновую воду и лишь потом чистить, а из ванн с фиш пилингом всю воду вместе с рыбками необходимо было слить в специальный резервуар. Он методично обходил одну за другой, открывая задвижки спуска воды, пока не дошел до последней. Едва взглянув внутрь ванны, мужчина, обомлев, хотел закричать и бежать отсюда со всех ног, но многолетняя выучка взяла верх, заставив его остаться на месте. Собрал все свое мужество в кулак и едва

сдерживая отвращение, служащий отеля подошел вплотную к мраморному бортику ванны и внимательно рассмотрел то, что вызвало в нем волну ужаса.

В голубой прозрачной воде, подсвечиваемый снизу разноцветными огнями, приткнувшись одним концом к бортику, накрытым зачем-то пляжной шляпой, лежал большой темно-коричневый цилиндрический предмет. Поверхность предмета не выглядела статичной, напротив, она шевелилась! Присмотревшись еще внимательнее, служащий отеля понял, что толстый коричневый слой – это многие тысячи рыбок для пилинга, плотно облепившие человеческое тело. «Матерь божья!», – воскликнул про себя чистильщик бассейнов, и быстро вызвав по рации старшего дежурного по отелю, открыл кран сброса воды.

К тому времени, когда на место происшествия прибежали дежурный и двое спасателей, вода, плотной, густой от обилия рыбок массой уже вышла из бассейна в специальные резервуары, оставив на глянце благородного камня одиноко лежащее тело женщины, лицо которой по-прежнему было прикрыто широкополой шляпой.

– Бедняжка! Такая трагическая смерть! – воскликнул один из спасателей.

Прибывшие стояли у бортика ротонды и шокированные увиденным зрелищем не торопились спуститься внутрь. Пока старший дежурный по отелю лихорадочно соображал, удастся ли скрыть от постояльцев это ЧП, другой спасатель перепрыгнул через бортик и мягко приземлился на дне ванной рядом с телом несчастной.

Осторожно протянув руку, он медленно снял с лица женщины шляпу и, вскрикнув, резко отпрянул назад, неловко сев прямо на пол. Его вскрик заставил сильно вздрогнуть и так напряженных до предела напарников, а потом и смачно выругаться, каждого на свой манер. Дело в том, что лицо женщины покрывали собой две или три дюжины гавайских бычков, которые, как известно, некоторое время могут прекрасно обходиться без воды, и которые, не сумев растолкать более удачливых сородичей и пробиться к телу, использовали свои присоски для того, чтобы вскарабкаться на лицо. Присутствие людей и сброшенная в сторону шляпа никак не отразились на их поведении: рыбки продолжали увлеченно двигать губами, шевелить плавниками и извиваться.

– Ну, уж хватит! – шумно сопя, второй спасатель, оказавшийся рядом и, видимо, обладавший более крепкими нервами, чем первый, стал лихорадочно отрывать рыбок от лица неизвестной, европейской наружности женщины, смахивать и скидывать их вниз.

Бедняга едва убрал последнюю рыбешку, как вдруг женщина... глубоко вздохнула... и широко открыла глаза!

– А-а-а-а, сгинь, сгинь! – заголосил спасатель и беспомощно плюхнулся рядом со своим товарищем, растерянно хлопавшим глазами и сидевшим в нелепой позе на дне ванны.

Старший дежурный, напротив, мгновенно оценил обстановку и мигом оказался рядом с чудом ожившей гостьей отеля.

– Что... что... здесь... происходит? – медленно выговорила незнакомка, ошарашено разглядывая окружавших ее мужчин, затем приподнялась на локте и, сладко зевнув, опустила на заранее заботливо подставленную руку дежурного по отелю:

– Вы, видимо... немножко... заснули, мадам... Позвольте, я вам помогу.

Елизавета Андреевна чувствовала во всем теле сильную слабость – настолько глубокой была релаксация, и поэтому с благодарностью приняв предложенную помощь, позволила приобнять себя за талию, но, ощутив внезапную острую, словно ожог, боль, там, где представитель отеля касался ее тела, неожиданно для себя ойкнула.

– Быстро, предупреди врача! – одними губами, опасаясь напугать женщину, приказал он одному из спасателей, а сам уже вел россиянку в сторону медицинского блока. Дежурный давно работал в отеле и знал, какими опасными и болезненными могут быть солнечные ожоги. А тело и лицо этой несчастной выглядели как раз так, словно она многие часы пролежала под прямыми лучами солнца. Самым правильным в этой ситуации было передоверить туристку

врачу – пусть он разбирается, что стало с ее кожей, и почему она имеет такой нездоровый ярко-розовый цвет – что дежурный незамедлительно и проделал.

* * *

– Max Snigirev или по-русски – Максим Снигирев, с мягкой приветливой улыбкой и легким акцентом представился симпатичный худощавый, с тонкой линией носа и густым, седым на висках ежиком темных волос, склонившийся над ней мужчина. – Не удивляйтесь, я, так же как и вы – русский, да-да!.. Давно это, правда, было, больше двадцати лет уже... я имею в виду – уехал из России, – воркуя над ней, врач, а это был именно он, ловкими движениями наносил на кожу туристки противоожоговый гель.

Доктор уже успел поочередно обработать одну ногу за другой и теперь поднимался вверх по телу, изредка, чтобы ответить на очередной вопрос пациентки, отрываясь от своего занятия.

– Да, да, вы совершенно правы! И никакой это вовсе не ожог! Да и откуда ему там, солнцу, под портиком было взяться... да еще и по всему телу?!

Елизавета Андреевна слушала негромкий баритон мужчины, которого сразу же нашла обаятельным, смеялась вместе со смешинками в его карих глазах, послушно отзывалась навстречу нежным и одновременно сильным пальцам Снигирева и к концу процедуры успела полностью проникнуться к врачу доверием.

– А теперь, дорогая вы моя, давайте выпьем витаминчиков... так, хорошо... умница, теперь успокоительного, да, да – надо, вот так, хорошо. Сейчас закроем глазки, а я еще обработаю ваше лицо. Постарайтесь заснуть, у нас будет еще время поговорить. Обещаю, что завтра вы будете чувствовать себя намного легче и расскажете мне, что с вами произошло, а я вам – свою версию. Договорились? Ну и славно! До завтра!

Елизавете Андреевне очень хотелось, чтобы он поцеловал ее на прощание, ну хотя бы в лоб – она чувствовала себя с ним непривычно уютно и спокойно, но врач лишь мягко встал с краешка расстроено-скрипнувшей кровати и бесшумно вышел из палаты.

Спустя несколько минут Снигирев уже входил в свой кабинет. Приготовления также не заняли много времени – уже скоро Макс склонился над окулярами микроскопа, что-то внимательно рассматривая в пробе крови русской туристки. Еще несколько мгновений и напряженная складка над переносицей разгладилась, а доктор, удовлетворенно хмыкнув, откинулся на спинку кресла.

* * *

Сон никак не шел: слишком много впечатлений, обрушившихся на Елизавету Андреевну за такое короткое время, требовали своего осмысления, оценки. Была ли она напугана? Нет. Скорее смущена тем, что ее, успешную и всесильную на родине, застали здесь беспомощной в какой-то совсем нелепой, унижительной ситуации! Что еще? Конечно же, главное – Макс. Нравился ли он ей? Ну, по крайней мере, она была в восторге от его уважительной манеры общения, приятного тембра голоса, неподдельного внимания и заботы! На какое-то время туристка почувствовала себя в далекой юности – настолько безмятежной и комфортной оставалась атмосфера в палате даже и после его ухода. Елизавете Андреевне было легко со Снигиревым, ее влекло к доктору, и, странно – ей совсем не хотелось кокетничать с ним и морочить ему голову даже самыми маленькими женскими хитростями.

Осознав это, женщина открыла глаза и уставилась в небольшой постер на противоположной стене – настолько удивительным и приятным было новое для нее ощущение искренности, привыкшей за многие годы профессиональной деятельности и болезненных неудач на личном фронте к постоянной фальши, полуправде, а то и откровенной лжи. Она чувствовала, что

внутри нее что-то буквально переворачивается и меняется. Сначала это перерождение настояжело чиновницу, но, прислушавшись к себе, Елизавета Андреевна ощутила легкость, будто розовые отсветы восходящего солнца блеснули, на пока еще темном, но уже стремительно светлеющем небе. Эти радостные предчувствия последними промелькнули в ее сознании перед опустившейся непроглядной пеленой, вызванной снотворным.

На следующий день туристка проснулась гораздо позже обычного – солнце ярко-желтыми лучами уже вовсю пробивалось сквозь плотно прикрытые жалюзи окна одноместной палаты. По всему чувствовалось, что ее организм пережил сильнейший стресс и сейчас требует больше времени для отдыха. Встав с кровати, Елизавета Андреевна обрадовано почувствовала, что кожа уже не только не саднит, но и заметила, что та потеряла свою нездоровую, воспаленную красноту. А присев к зеркалу макияжного столика – так и вовсе охнула от удивления! Да что там удивления?! Увидев отражение своего лица, она испытала радостное, граничащее с помешательством возбуждение. И было от чего! Еще раз, опасаясь, горького разочарования, женщина, теперь уже самым внимательным образом всмотрелась в свое отражение – и не узнала себя! Вернее узнала, но та, что сейчас из глубины амальгамы смотрела на Елизавету Андреевну, выглядела лет на десять-пятнадцать моложе прежней чиновницы. Куда подевались возрастные морщинки возле носа, где трагические складки у рта? А где этот, образовавшийся от постоянных волевых усилий залом кожи над переносицей? А некрасивый жировик слева, на крыле носа? А кожа? Откуда у нее такая прекрасная кожа! Гладкая, плотная, матовая, будто слоновая кость и одновременно бархатисто-шелковистая, словно созданная исключительно для нежных поцелуев! Что это за чудо такое с ней произошло? «Сегодня у меня будет самое лучшее в моей жизни свидание!», – всматриваясь в свое помолодевшее, привлекательное лицо, твердо вслух произнесла Елизавета Андреевна и принялась тщательно собираться.

* * *

– Елизавета Андреевна, вы восхитительны! – Снигирев в легком поклоне приветствия галантно поцеловал самые кончики пальцев протянутой руки, отметив при этом гладкую, без единой морщинки или другого дефекта ее шелковистую кожу, и помог даме устроиться за столиком.

Врач не скрывал своего восхищения русской туристкой и не собирался этого делать и дальше. Давно разменяв пятый десяток, добившись достатка и уважения в профессиональной среде, Макс мог уже себе позволить быть естественным с партерами и коллегами, говорить то, что думал не только немногочисленным друзьям, но и столь же редко вторгавшимся в его жизнь женщинам.

– Спасибо, Максим, – прочувственно ответила Елизавета Андреевна. – Вы оказались совершенно правы – я отлично себя чувствую! Расскажите скорее, что за чудо-кремом вы вчера меня намазали? Я себя не узнаю! Вы мне верите?! Я чувствую себя так, будто мне снова тридцать лет! Не томите же... рассказывайте скорее! – потребовала она и попыталась нахмурить брови, но вспомнив что-то, лишь заливисто рассмеялась.

– Дорогая Лиза, можно я буду так вас называть?..

«Конечно, можно... Называй меня как хочешь, только в печку не ставь, – нехстати пронеслась в ее голове часть какой-то пословицы. – Причем тут печка?», – Елизавета Андреевна еще больше удивилась своему внутреннему диалогу.

Выдержав из вежливости паузу в несколько секунд, достаточную для того чтобы убедиться – она не против, продолжил:

– ... В том, что вы действительно выглядите на тридцать, мой крем совсем непричем...

– Вот как? А что же тогда?.. – растеряннo начала она.

В этот момент подошел пожилой уже официант, и паре пришлось прерваться для заказа. Быстро разобравшись с меню, тем паче, что чиновница доверилась вкусу своего визави, собеседники вернулись к разговору.

– Виной всему – рыбки.

– Рыбки?.. – недоуменно переспросила женщина. Было видно, что ее изумление неподдельно. – Какие рыбки?

– Те самые, что делали вам пилинг: гарра руфа и гавайские бычки. Вы, видимо, расслабились, возможно, задремали, а потом и вовсе заснули...

– Да, так именно и было... Я помню, что слушала музыку, закрыла глаза, было спокойно и приятно, – она медленно вспоминала, – выпила бокал рома...

В этот момент Снигирев незаметно, одними уголками губ улыбнулся и как-то по-новому взглянул на Елизавету Андреевну.

А та продолжала рассказывать и не собиралась останавливаться. Более того, ей не хотелось что-либо приукрашивать или придумывать.

– Я ведь и не собиралась никаким пилингом заниматься. Зачем он мне? Удобно отсюда было наблюдать за отдыхающими... Мне сорок шесть, ни мужа, ни семьи, ни детей... Одна, – горько чеканила фразы женщина. – Да, есть работа. Она меня и спасает, и кормит, и поит. Она для меня и семья, и друзья, и подруги... Ненавижу ее! – неожиданно блеснув глазами, закончила она.

Снигирев, мягко взял ее руку:

– Ну, зачем вы так? Вы еще будете счастливы... Но мы отвлеклись... Так вот, вы заснули и пробыли в ванне гораздо дольше, чем предусмотрено процедурой. К тому же, что-то сильно привлекло к вам рыбок из соседних ванн и резервуара, в результате они вас немного... как бы это сказать... ну... объели что ли... – найдя нужное слово, Макс осторожно улыбнулся, наблюдая за реакцией опешившей женщины. – Да не пугайтесь вы так! Получился суперпилинг, сверхглубокое очищение кожи, замена всего верхнего тончайшего кожного покрова, массаж и омоложение организма.

– Так вот почему я чувствовала себя, будто обгорела?!

– Да, дорогая Елизавета... Если упрощенно, то примерно то же самое. Ваша молодая кожа была вчера очень нежна и уязвима, поэтому я ее и защитил специальным гелем.

– Максим, вы просто волшебник! Если бы вы знали, как я вам благодарна! Но, что же во мне не так? Чего они... взбесились?

– Когда я вас вчера осматривал, то обнаружил, что у вас на бедре, ближе к ягодиче – маленькая засохшая ранка. Скорее всего, это была родинка, которую, вы, очевидно по неосторожности, скосырили, либо, что более вероятно, это сделал гавайский бычок. А дальше уже совсем просто – его железы выделяют вещество, замедляющее процесс свертывания крови, наверное, какой-то эволюционный рудимент...

– Как говорят на нашей общей родине – нет худа без добра... – задумчиво покачивая бокалом, промолвила его собеседница. И внезапно поддалась желанию задать давно мучивший ее вопрос: – А вы-то сами как?

– В смысле: жена, семья, дети? – безошибочно угадал он. – Я холост и никогда не был женат. Сейчас я свободен.

– Что же так? Вы интересный состоявшийся мужчина, и одиноки? – Елизавета Андреевна пыталась по максимуму воспользоваться минутой откровенности.

– Видите ли... Вы были предельно честны со мной, поэтому я отвечу тем же, – Снигирев глубоко вздохнул, посмотрел в сторону синевы бескрайнего океана и перевел на нее взгляд своих пронизательных глаз, – когда я был молодым, то не торопился жениться. Считал, что надо сначала «встать на ноги». Справедливо? Потом рухнул Союз, и появилась возможность уехать. Первые годы погрузился в работу с головой, нашел возможность начать свою прак-

тику... а потом думал, что еще молодой, успею. Здесь я бываю в курортный сезон всего лишь несколько раз в году – друг, хозяин отеля приглашает. Совмещаю отдых с работой, и ему и мне выгодно. К тому же, являясь членом Национальной ассоциации спасателей, обучаю здешних парней правилам первой медицинской помощи... Где-то лет десять назад поймал себя на мысли, что пора бы найти спутницу жизни, все уже вроде бы есть, дальше будет примерно тот же бег по кругу, но увидел вокруг себя лишь алчущих чужого достатка нимфеток. Да и чего греха таить, обжегся на таких «модельках» пару раз. Дошло до того, что как-то раз, делая заказ в кафе, почувствовал, что этой милой, обольстительно улыбающейся официантке я не интересен. Более того, ей и мой заказ тоже не интересен, а вот то, что я собираюсь оплатить счет кэшем – наличными, что дает надежду на чаевые – это да, это совсем другое дело! Я совсем перестал верить в искренность женщин! Как я мечтал встретить ту, которой могу доверять, которой нужен я, а не мой банковский счет! Но все тщетно! Даже съездил несколько раз в Россию, в надежде встретить свою Наташу Ростову, да только стало еще хуже: как узнают, что у меня американский паспорт и частная практика в Штатах, готовы на все и сразу. Признаются в любви чуть ли не через полчаса после знакомства, и как искренне! Старик Станиславский в гробу бы перевернулся и воскликнул: «Верю!», а в итоге очередная «любовь с первого взгляда и до гроба», оказывается следующим в длинном ряду фарсом...

– Хм, – ничуть не смутившись тем, что прервала собеседника, улыбнулась Елизавета Андреевна, – я обеспечена, привлекательна, достаточно молода и вы... видели меня голой... ну почти... голой, – поправилась, заливаясь смехом туристка, – значит, вы, как истинный джентльмен, обязаны теперь на мне жениться!

– А почему бы и нет?! – ослепительно улыбнувшись в ответ и несколько опешив от напора собеседницы, поддержал ее кураж Макс. – Но давайте... для начала хотя бы потанцуем?

Елизавета Андреевна не ожидала, что ее кавалер от слов сразу же перейдет к делу, и когда, выйдя на танцпол, Макс, под ритмичные аккорды румбы, энергично прижал партнершу к себе, та, не успев совладать с накрывший ее волной возбуждения, невольно вскрикнула, однако, тут же нашлась:

– Кожа... молодая... нежная, очень-очень... простите...

– Ну, что вы, моя дорогая, это вы меня простите, неуклюжего. Вам срочно нужно повторить вчерашнюю процедуру, для профилактики...

– Не возражаю, я... ах...

Не возвращаясь к своему столику, пара быстро покинула ресторан.

* * *

Оставшиеся до возвращения Елизаветы Андреевны в Россию десять дней, доктор и его бывшая пациентка провели вместе, не расставаясь. Бессонные ночи и дни, наполненные страстью, пошли им обоим на пользу: каждый словно скинул по десятку лет и чувствовал себя превосходно!

Помолвку они отмечали в ресторане на знаменитом на весь мир пляже Пуналуу, черный, крупнозернистый, словно осетровая икра, песок которого, придавал особенную торжественную атмосферу их вечеринке.

А потом они вместе улетели в Россию – заключить законный брак и сыграть свадьбу. Была, правда, еще одна весома причина как можно скорее вернуться на Родину: Елизавета Андреевна приняла решение уйти с государственной службы. Она это объяснила так:

– Не могу больше врать. Найду чем заниматься... Фонд благотворительный создам, сиротам буду помогать. Полжизни брала деньги, теперь отдавать черед настал.

Максима это решение возлюбленной несколько не удивило, так как он знал о ней больше, чем даже она сама о себе. Знал, но молчал – не время еще.

Устроив голову на плече любимого, убаюканная монотонным гулом мощных турбин, Елизавета Андреевна прошептала:

– Макс, мне не нужны ни твои деньги, ни гражданство, ни положение... Как долго я тебя искала! Мне нужен ты!

Снигирев впервые за многие годы поверил женщине, поверил с первой их встречи. Ему импонировала ее откровенность, и он знал, что она ему не лжет и, самое главное – не будет лгать никогда! Однако дело здесь было не только, и даже не столько в его интуиции. Будучи по образованию микробиологом, Макс был прекрасно осведомлен о том, что утаил от своей возлюбленной: многие местные рыбы, в том числе и гавайские бычки, являлись переносчиками очень редкого, безопасного для аборигенов вируса, как раз такого, что он обнаружил в крови Елизаветы Андреевны после ее памятного «купания» в ванне с рыбками. Его особенностью было то, что при попадании в кровь представителей белой расы, вирус мутировал, при этом оставляя результатом своей жизнедеятельности один из видов алкалоидов – скополамин, который, в свою очередь, является основным компонентом широко применяемой спецслужбами «сыворотки правды». Происшествие с фиш-пилингом сыграло с чиновницей еще одну, добрую шутку.

«Мне б самому сейчас сыворотка правды не помешала, – отчего-то смешался Макс. – Нехорошо, как-то... Спасибо, конечно, гавайскому бычку за то, что мое патологическое недоверие разрушил, но полюбил-то ведь ее не за это. Обязательно расскажу Лизе потом... после свадьбы...», – подытожил свои мучения Снигирев, а затем нежно поцеловал будущую супругу в бархатистую щечку и ласково ответил:

– Я знаю, моя дорогая, спи, нам предстоит еще долго лететь.

25.03.2013 г.

Хозяйка Маркуса

* * *

Что бы вы сделали, уважаемый читатель, окажись на месте Алексея? А место это, прямо скажем, было необычным – в глуши удмуртских лесов, в три часа ночи, при тридцатиградусной январской стуже на крыльце одиноко стоящего, рядом с плохо расчищенным зимником, деревенского дома. Наш герой оказался здесь, выехав ранним утром из Питера и стремясь как можно раньше попасть в Ижевск, где его ждал давний друг – бывший однокурсник, собирающийся на днях сочетать себя священными узами брака.

Проведя за рулём своего внедорожника целый день, и изрядно вымотавшись, ему удалось преодолеть немалую часть пути, однако до конца маршрута предстояло проехать ещё сорок километров непростых российских дорог. А сначала нужно было найти среди сугробов эту самую чёртову дорогу! Алексей, не раз и не два сверяясь с навигатором, возвращался, снова ехал вперёд, останавливался, но никак не мог понять: куда она делась? По карте – вот она: широкая, желтого цвета федеральная трасса, а в реальности за окном – узкая колея в две стороны, с нависающими лапами вековых елей и шапками высоченных сугробов, окруженная кромешной тьмой, тишиной, отсутствием движения и признаков человеческого жилища на десятки, а может, и сотни километров вокруг.

Всё началось со знака «Объезд» и кустарного, из поваленной сосенки поперёк дороги, шлагбаума, перегородившего путь к ближайшему в сорока километрах селу. Двинувшись засветло по направлению указателя, он так и не смог выбраться обратно на федеральную трассу и который час подряд плутал по несуществующим на карте зимникам и просёлкам. Отчаявшись найти дорогу и опасаясь остаться в этой безлюдной глуши на свирепом морозе без топлива, герой нашего рассказа, тем не менее, по упрямству характера методично пробивался всё дальше и дальше, местами только чудом преодолевая снежные заносы, как вдруг заметил, словно мираж, мелькнувшие вдалеке огоньки. Приободрившись, вертя головой в обе стороны, опасаясь проглядеть спасительный оазис цивилизации, Алексей крепко сжал разом вспотевшими ладонями руль и, пристально всматриваясь в темноту, направил автомобиль к выплывшему из темноты строению – темному деревенскому дому. Рядом с избой стоял сарай, нелепый в своём одиночестве уличный фонарь освещал забор, ворота с калиткой и деревянный тротуар к дому. Откуда здесь, в глухом лесу, взялась вся эта роскошь, так и осталось для нашего героя загадкой. Но, главное, его окна гостеприимно горели (и это в три часа ночи!), словно зазывая заблудившегося путника воспользоваться неожиданным приютом. Остановив машину и преодолев сомнения, Алексей всё-таки решился побеспокоить хозяев жилища. Спустя минуту после сначала осторожного, а затем всё более настойчивого стука железной скобой ручки по деревянной двери, внутри послышался шум, и дверь мягко приоткрылась, сначала немного, а потом – на всю ширину, выпустив наружу хозяйку.

Перед молодым человеком оказалась симпатичная молодка лет тридцати, в накинутаой на плечи фуфайке, с выглядывающей из-под неё цветастой ночной рубашке, белыми округлыми икрами и надетыми на босую ногу срезанными по щиколотку валенками. Странно, но женщина не выглядела ни заспанной, ни недовольной тем, что её внезапно потревожили среди ночи. Напротив, она кокетливо улыбнулась и, озорно стрельнув чёрными глазами, стала ожидать, когда Алексей заговорит.

– Здравствуйте! Извините за беспокойство. Я заблудился. Уже несколько часов, после того как свернул на объездную дорогу, плутаю.

Женщина слушала, не перебивая, лишь понимающе покачивала головой в такт его словам. Ободрённый, наш герой продолжал:

– До Очиново далеко? Там вроде как прямая дорога дальше идёт?

– Да, там дорога в город хорошая. Километров сорок до неё будет ещё...

Отвечая, она немного придвинулась к нему, отчего фуфайка сползла, оголив округлое плечо и распахнувшись на полной груди.

– Километров сорок, всего! – обрадовался он замаячившему «свету в конце тоннеля». «Доеду до села, заправлюсь и можно будет в машине прикорнуть на пару часиков. Поспать надо обязательно, – подумал Алексей, автоматически отметив про себя слабый сладкий запах вина, исходивший от собеседницы. – Ух, какие глаза у неё шаловливые!».

Женщина, не стесняясь, с удовольствием разглядывала высокого, под два метра роста молодого, сильного мужика:

– Да, всего-то сорок километров осталось. И заправка там есть, – словно угадав его мысли, продолжала хозяйка дома. – Всё время прямо езжайте, никуда не сворачивайте... а то у меня заночуйте? А с утра поедете, – вкрадчиво предложила она, мягкими нотками в голосе обещая не только ночлег.

Алексей подумал, что ослышался, но, взглянув на замершую в ожидании его ответа женщину, понял, что нет – слишком откровенной была её заинтересованность.

Наш герой оказался перед трудным выбором: он буквально засыпал «на ходу», его измученный многочасовым сидением за рулём организм настоятельно требовал небольшой передышки перед заключительным, но тоже отнюдь немалым отрезком пути. С другой стороны, он торопился на свадьбу к другу, куда опаздывать ему было ну никак нельзя! А то же какая свадьба без свидетеля?

Придя к трудному, мучительному решению в пользу короткой передышки, Алексей направился к своему автомобилю, не садясь в него, выключил зажигание и плотно захлопнул дверцу. Возвращаясь навстречу радостно потупившей взор незнакомке, гостеприимно распахнувшей дверь, он с тревогой подумал о том, что оставшиеся до рассвета часы могут оказаться короткими как никогда.

Предчувствие его не обмануло. Хозяйка, подперев изнутри дверь метлой на длинной деревянной ручке, гостеприимно пригласила гостя к столу. Затем, сбросив с себя верхнюю одежду и закутавшись в белую шерстяную кофту, уселась напротив и, подняв на него взгляд больших, слегка с поволокой глаз, представилась:

– Яна.

– Алексей, – в тон ей ответил молодой человек и они, не сговариваясь, сразу перешли на «ты».

Гость принял приглашение хозяйки из вежливости, надеясь для приличия немного пообщаться, а затем выспаться и отдохнуть. Однако то ли природная любознательность толкала Алексея к поиску мотивов этой молодой и привлекательной женщины добровольно заточить себя в дремучем лесу, то ли ее откровенная женственность притягивала его, не позволяя пойти спать, но он решил, что может себе выделить часок-другой для общения с этой случайной незнакомкой.

– Яна, а... что ты здесь делаешь? Как ты тут живешь, как здесь очу...? – начал, было, путник, но внезапно, от мягко, но ощутимо покачнувшейся вверх-вниз избы, замолчал с открытым ртом на полуслове.

– Ч-ч-что это? – наконец выдавил он из себя.

– Где? – не поняла Яна.

– Вот... это, только что...

– Да что? – продолжала недоумевать женщина.

– Дом так сильно качнулся... вверх-вниз. А ты не заметила? – в свою очередь удивился Максим.

– Нет, – серьезно, не улыбаясь и пристально глядя парню в глаза, ответила хозяйка. – Тебя с дороги качает, переутомился ты. Давай-ка, сейчас хорошую настойку, на травах, выпей, поможет... и спать ложись.

Путник послушно принял из рук Яны граненный стакан, наполовину наполненный какой-то янтарного цвета жидкостью. «Без изысков, однако», – оценил он емкость и принялся к содержимому: пахло спиртом и анисом. Выдохнув и посмотрев на хозяйку, терпеливо, с непроницаемо-доброжелательным лицом ожидавшую рядом, парень, зачем-то зажмурившись, большими глотками, стараясь не задерживать питье во рту, проглотил жидкость и как заправский выпивоха крикнул. Алексей был чужд подобных привычек и не любил показные жесты, но терпкая и обжигающая настойка вынудила его на это, да к тому же, заставила изрядно прослезиться.

– Хороша! – перехваченным горлом просипел Алексей. – Что это за...

– Вот и умница, – перебила Яна, забирая пустой стакан и коснувшись его мягким бедром, помогла встать, а затем проводила к стоявшему у стены разложенному двуспальному дивану, заменявшему, видимо, хозяйке кровать.

Нога, где коснулась его своим бедром женщина, тут же отозвалась волной горячего возбуждения, кругами быстро распространившегося по всему телу Алексея. Дабы не смущать гостя, Яна отвернулась и отошла к небольшому окну, выходящему на дорогу. Молодой человек, оценив такт хозяйки, без лишних расспросов быстро разделся и улегся на мягкую постель.

«А ведь не ответила... ни в первый раз, ни второй...», – подумал он, затем зачем-то поерзал, словно пытаясь убедиться в надежности ложа, и повертел головой влево-вправо, будто высматривая что-то. И не зря: его взгляд задержался на русской печи, лежанка которой была скрыта от посторонних глаз полотняной цветастой занавеской. Между краем материи и широкой кирпичной трубой оставалась неширокая щель – занавеска была прикрыта не полностью. И вот эта темная щель и привлекла внимание парня – оттуда, из глубины пространства на него пристально смотрело... два ярких огромных, желтых пятна. Молодой человек, несмотря на то что был не робкого десятка, вздрогнул всем телом и вскрикнул.

Яна быстро развернулась на шум и, проследив за взглядом Алексея, махнула рукой в сторону печки:

– Маркус, кыш, уйди!

На звук ее голоса что-то большое, живое и темное ринулось сверху из-под потолка на пол. С глухим стуком, присев сразу на все четыре лапы, в центре комнаты очутился огромный совершенно черный кот, даже усы которого были темными. Внимательно всмотревшись в лицо Алексея своими янтарно-желтыми глазищами, кот медленно прошел мимо дивана и, дойдя до двери из комнаты, исчез.

«Вот котище! Глаза у него какие-то странные, не кошачьи...», – тревожные мысли стали возникать сами собой.

Алексей, задумавшись, не заметил, как хозяйка оказалась рядом с диваном и присела на край. Теперь ее лицо демонстрировало озабоченность:

– Испугался? Не бойся, ТЕБЕ не надо бояться Маркуса... – прошептала, склонившись к его уху, женщина. Потом провела теплой ладонью по его, сразу же всколыхнувшейся груди и, глядя прямо в глаза, нагнувшись, прильнула своими теплыми, мягкими губами к его губам.

На этот раз Алексей не почувствовал от хозяйки сладковатого запаха вина. Он ощутил пульсирующее упругое пламя, разом охватившее все тело, проникшее прямо в сердце. Извиваясь словно уж, он пытался выбраться из-под плотно придавившей его своей грудью Яны, но безуспешно. Парень чувствовал себя зажатым многотонной железобетонной плитой, оставившей ему зачем-то возможность вполсилы дышать. Постепенно давление сверху ослабло, пара-

лич прошел, и молодой человек смог перевести дух. Он лежал теперь совершенно свободно, никто и ничто не ограничивало его движений. Яны в комнате не было видно. Когда и куда она ушла, Алексей не заметил или забыл. Мысли его начали путаться, потолок стал уходить вправо, на его место пришла стена, потом пол, все завертелось, сначала медленно, но все быстрее и быстрее. Пытаясь справиться с головокружением и тошнотой, парень в отчаянии крепко зажмурил глаза, и навалившаяся темнота разом поглотила его сознание, вспыхнув последней искоркой: «Отравила, сука!».

* * *

Яркий луч солнца морозного зимнего утра медленно передвинулся с переносицы парня на его правый глаз, заставив Алексея сначала сильнее зажмуриться, а потом, отвернувшись в сторону, открыть глаза и окончательно проснуться. Молодой человек внутренне напрягся, готовясь к чему-то плохому. Ему казалось, что он должен увидеть, услышать, почувствовать или на худой конец, вспомнить какую-то гадость, что-то нехорошее, приключившееся с ним за последние сутки. Однако, к своему удивлению, внимательно осмотрев уютную, наполненную солнечным светом комнату, кровать, заправленную чистым бельем, и, втянув носом вкусный запах жаренного лука, Алексей ничего подобного не обнаружил.

– Ну, что, проснулся? – услышал он приветливый женский голос – это хозяйка, не замеченная им, выходила из другого угла комнаты, скрытого за большой русской печью. В ее руках на деревянной подставке скворчала черная чугунная сковородка, накрытая зеленой эмалированной крышкой, из-под которой и вырывался тот, сводящий с ума, сладкий и одновременно дразнящий запах лука, обжаренный на свином деревенском сале до золотистого цвета и залитый сверху четырьмя яйцами с большими ярко-оранжевыми желтками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.